

Гарретт Патмен Сервисс

ВТОРОЙ ПОТОП

Фантастика эпохи радия

Фантастика эпохи радия

Гарретт Сервисс

Второй потоп

«Автор»

1912

Сервисс Г. П.

Второй потоп / Г. П. Сервисс — «Автор», 1912 — (Фантастика эпохи радия)

Роман "Второй потоп" впервые был опубликован 110 лет назад в 1912 году. Автором романа является Гарретт Патнем Сервисс — американский астроном-популяризатор и один из зачинателей американской журнальной научной фантастики. Действие в футуристическом романе-катастрофе «Второй потоп» происходит около 2000 года. В XX веке мир прошел через гонку вооружений и пришел к необходимости ограничить международными соглашениями наиболее разрушительные из них - например, подводные лодки и ковровые бомбардировки. Развивается генетика. Социальные потрясения уничтожили власть глобальных монополий с их тягой к войнам. Ученый Космо Версаль предсказывает грандиозную катастрофу: Земля приближается к дрейфующей в космосе «водяной туманности». Когда они столкнутся, уровень океанов поднимется сразу на несколько километров и цивилизация погибнет. Ученый убеждает одного из капиталистов вложиться в создание современного «ковчега», в котором могли бы переждать бедствие хотя бы несколько тысяч человек...

© Сервисс Г. П., 1912

© Автор, 1912

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Гарретт Сервисс

Второй потоп

ПРЕДИСЛОВИЕ

То, что здесь изложено, является плодом долгих и тщательных исследований среди разрозненных записей, оставленных выжившими после описанных ужасных событий. Автор хочет откровенно сказать, что в некоторых случаях он следовал курсом, которым вынуждены следовать все историки, используя свое воображение, чтобы дополнить картину. Но он может добросовестно заявить, что по существу своего повествования, а также во всех деталях, которые конкретно описаны, он добросовестно следовал рассказам очевидцев или тех, кто был в состоянии знать правду о том, что они связаны.

Глава I. КОСМО ВЕРСАЛЬ

Низкорослый, худощавый человек с морщинистым лицом, с огромной лысой головой, круглой, гладкой и блестящей, как гигантский мыльный пузырь, и парой черных глаз-бусин, близко посаженных друг к другу, так что он напоминал гнома с поразительными способностями ума и не менее поразительной способностью к концентрации, сидел, склонившись над письменным столом с огромным листом ватмана перед собой, на котором он быстро рисовал геометрические и тригонометрические фигуры. Циркули, Т-образные угольники, линейки, транспортиры и эллипсографы повиновались прикосновению его пальцев, как будто вдохновленные жизнью.

Комната вокруг него представляла собой джунгли из земных и небесных глобусов, химических реторт, пробирок, трубок и всего того неопишуемого оборудования, которое изобрела современная наука и которое непосвященным кажется таким же непостижимым, как древние принадлежности алхимиков и астрологов. Вдоль стен тянулись книжные полки, а верхние части были украшены самыми необычными фотографиями и рисунками. Даже потолок был покрыт картами, некоторые из которых представляли небо, в то время как многие другие были геологическими и топографическими изображениями поверхности земли.

Рядом с чертежной доской лежал блокнот, и время от времени маленький человечек нервно поворачивался к нему и, схватив длинный карандаш, производил сложные вычисления, покрывая бумагу россыпью математических символов, которые выглядели как увеличенные анималькулы. Пока он работал при ярком свете из единственного окна, расположенного высоко под потолком, его лоб покрылся сотней морщин, щеки покрылись жаром, пронзительные глаза горели внутренним огнем, а перед ушами стекали капли пота. Однако можно было подумать, что он трудился, чтобы спасти самую свою душу, и у него осталось всего несколько секунд передышки.

Вскоре он отбросил карандаш и с поразительной ловкостью быстро, но осторожно, соскочил со стула на котором сидел, держась ладонями за сиденье рядом с бедрами, пока не почувствовал, что его ноги коснулись пола. Затем он метнулся к книжной полке, снял с нее увесистый том, раскрыл его на свободном месте на полу и опустился на колени, чтобы заглянуть в него.

Перевернув один или два листа, он нашел то, что искал, прочитал страницу, не отрывая пальца от строк, и, закончив чтение, вскочил на ноги и поспешил обратно к табурету, на который он вскарабкался так быстро, что было невозможно увидеть, как ему это удалось без помощи. Он мгновенно нарисовал новую диаграмму, а затем принялся яростно что-то вычислять в блокноте, заставляя свой карандаш вращаться так быстро, что его верхний конец вибрировал, как крыло стрекозы.

Наконец он бросил карандаш и, обхватив колени скрещенными руками, без сил опустился на табурет. Веки опустились на его сияющие глаза, и он погрузился в размышления.

Когда он снова открыл глаза и разогнул брови, его взгляд случайно оказался направлен на ряд любопытных больших фотографий, которые, как замершие изображения, тянулись по

верхней части стены комнаты. Случайный наблюдатель мог бы подумать, что маленький человек развлекался, фотографируя взрывы фейерверков в ночь на четвертое июля; но по выражению его лица было очевидно, что эти необычные снимки не имеют никакого отношения к гражданской пиротехнике, но должны представлять нечто несравненно более важное и, фактически, колоссальное значение.

На лице маленького человечка появилось восхищенное выражение, в котором, казалось, смешались удивление и страх. Взмахом руки он охватил всю серию фотографий всеобъемлющим взглядом, а затем, остановив свой взгляд на особенно причудливом объекте в центре, он начал говорить вслух, хотя слушать его было некому.

– Боже мой!" – сказал он. "Вот оно! Эта фотография туманности Лорда Росса – ее точное изображение, за исключением того, что на ней нет электрического свечения. Тот же огромный водоворот внешних спиралей, а затем появляется ужасная центральная масса – и мы собираемся погрузиться прямо в нее. Тогда квинтиллионы тонн воды сконденсируются на земле и покроют ее подобно вселенскому ливню. И тогда прощай человеческая раса – если только... если только я, Космо Версаль, вдохновленный наукой, не смогу спасти остатки, чтобы снова заселить планету после катастрофы.

И снова, на мгновение, он закрыл глаза и наморщил свой полусферический лоб, в то время как, подтянув колени, он, казалось, опасно балансировал на высоком табурете. Несколько раз он медленно покачал головой, как сонная сова, и когда его глаза снова открылись, их огонь исчез, и их покрыла зеркальная пленка. Он начал говорить, более обдуманно, чем раньше, и задумчивым тоном:

– Что я могу сделать? Я не верю, что на поверхности земного шара есть гора, достаточно высокая, чтобы поднять голову над этим потоком. Гм, гм..! Бесполезно думать о горах! Глубина наводнения составит шесть миль – шесть миль от нынешнего уровня моря; мой последний расчет доказывает это вне всяких сомнений. И это только минимум – это может быть на много миль глубже, потому что ни один смертный не может точно сказать, что произойдет, когда земля погрузится в туманность.

– Нам придется плыть, вот в чем дело. Мне придется построить ковчег. Я буду вторым Ноем. Но я посоветую всему миру строить ковчеги.

– Миллионы могли бы спастись таким образом, потому что потоп не будет длиться вечно. Мы пройдем через туманность через несколько месяцев, а затем воды постепенно отступят, и снова появятся высокие земли. Однако это будет ужасно долго. Я сомневаюсь, что земля когда-нибудь станет такой, какой была раньше. Там не будет много места, за исключением для рыб, но там и не будет так много жителей для той суши, которая там останется.

Он снова погрузился в безмолвную медитацию, и пока он размышлял, раздался стук в дверь. Маленький человечек подскочил на своем сиденье, насторожившись, как белка, и оглянулся через плечо, внимательно прислушиваясь. Стук повторился – три быстрых резких удара. Очевидно, он сразу узнал их.

– Иду! – крикнул он и, спустившись, быстро подбежал к двери и открыл ее.

Высокий худощавый мужчина с густыми черными волосами, густыми бровями, высоким узким лбом и широким, чисто выбритым ртом, на котором играла торжественная улыбка, вошел и схватил маленького человечка за обе руки.

– Космо, – сказал он, не тратя времени на предисловия, – ты закончил вычисления?

– Да, только что закончил.

– И вы ожидаете худшего?

– Да, все хуже, чем я когда-либо мог себе представить. Глубина воды составит шесть миль.

– Фух! – воскликнул другой, и его улыбка исчезла, – Это действительно серьезно. И когда это начнется?

– В течение года. Сейчас мы находимся в пределах трехсот миллионов миль от водяной туманности, и вы знаете, что Земля проходит больше этого расстояния за двенадцать месяцев.

– Ты видел ее?

– Как я мог это увидеть – разве я не говорил вам, что это невидимо? Если бы это можно было увидеть, все эти глупые астрономы давно бы ее заметили. Но я расскажу вам, что я видел.

Голос Космо Версаль понизился до шепота, и он слегка вздрогнул, продолжая:

– Буквально прошлой ночью я осматривал небо в телескоп, когда заметил, что в Геркулесе и Лире, и во всей этой части небес некоторые из более слабых звезд потускнели. Это было похоже на тень от савана призрака. Никто другой не заметил бы этого, и я бы не заметил, если бы не искал этого. Именно знание проясняет глаза и порождает новое знание, Джозеф Смит. Это не было по-настоящему видно, и все же я мог увидеть, что это было там. Я попытался разглядеть очертания предмета, но они были слишком неопределенными. Но я знаю очень хорошо, что это такое. Смотрите сюда, – он внезапно замолчал, – Посмотрите на эту фотографию. – Он указывал на туманность Лорда Росса на стене. – Оно похоже на это изображение, только оно приближается к нам боком. Мы можем пропустить некоторые внешние спирали, но мы врежемся прямо в центр.

Джозеф Смит уставился на фотографию с отвисшей челюстью и сдвинутыми черными бровями.

– Она не так светиться, – сказал он наконец.

Маленький человечек презрительно фыркнул.

– Что я говорил тебе о ее невидимости? – сказал он упрямо.

– Но откуда же тогда вы знаете, что она имеет водную природу?

Космо Версаль вскинул руки и замахал ими в порыве нетерпения. Он взобрался на свой табурет, чтобы оказаться на уровне глаз собеседника, и, устремив на него пристальный взгляд, воскликнул:

– Ты очень хорошо понимаешь, откуда я это знаю. Я знаю это, потому что я продемонстрировал с помощью своего нового спектроскопа, который анализирует невизуальные лучи, что все те темные туманности, которые были сфотографированы в Млечном Пути много лет назад, состоят из водянистого пара. Они далеко, на границах Вселенной. Этот потоп прямо на расстоянии вытянутой руки. Это маленький потоп по сравнению с ними – но этого достаточно, да, этого достаточно! Вы знаете, что более двух лет назад я начал переписываться с астрономами по всему миру об этом, и не один из них не послушал меня. Что ж, они прислушаются, когда, возможно, будет слишком поздно.

– Они прислушаются, когда откроются хляби небесные и начнется наводнение. Это происходит уже не в первый раз. Я не сомневаюсь, что Ноев потоп, над которым сейчас все приговорно смеются, был вызван тем, что земля прошла через водянистую туманность. Но этот будет еще хуже – тогда не было двух тысяч миллионов человек, которые могли бы утонуть.

В течение пяти минут оба молчали. Космо Версаль раскачивался на стуле и играл с эллипсографом; Джозеф Смит опустил подбородок на грудь и нервно теребил карманы своего длинного жилета. Наконец он поднял голову и тихо спросил:

– Что ты собираешься делать, Космо?"

– Я собираюсь подготовиться, – последовал короткий ответ.

– Как?

– Построю ковчег.

– Но неужели ты не предупредишь других?

– Я сделаю все, что в моих силах. Я позвоню всем официальным лицам, научным и иным, в Америке, Европе, Африке, Азии и Австралии. Я буду писать на всех языках во все газеты и журналы. Я разошлю циркуляры. Я буду советовать всем бросить все остальные занятия и начать строить ковчег – но никто не прислушается ко мне. Ты увидишь. Мой ковчег будет

единственным, но я спасу в нем столько людей, сколько смогу. И я рассчитываю на то, что ты, Джозеф, поможешь мне. Судя по всему, это единственный шанс человеческой расы на выживание.

– Если бы я не сделал этого открытия, они все были бы уничтожены, как шахтеры в затопленной шахте. Мы можем убедить немногих спастись, но как ужасно то, что, когда правду бросают им прямо в лицо, люди не верят, не слушают, не видят, не помогают друг другу, а умирают, как собаки, в своем упрямом невежестве и слепоте.

– Но они должны вас выслушать, – с жаром сказал Джозеф Смит.

– Они не будут слушать, но я должен их убедить, – ответил Космо Версаль. – В любом случае, я должен заставить нескольких лучших из них услышать меня. На карту поставлена судьба всего человечества. Если мы сможем спасти горстку лучшей крови и мозга человечества, у мира появится новый шанс, и, возможно, результатом станет лучшая и более высоко-развитая раса. Поскольку я не могу спасти их всех, я буду выбирать и выбирать. В моем ковчеге будет цвет человечества. Хотя бы это я вырву это из пасти разрушения.

Маленький человечек становился очень серьезным, и его глаза горели огнем энтузиазма и целеустремленности. Когда он склонил голову набок, она казалась слишком тяжелой для похожей на стержень шеи, но создавала впечатление огромной интеллектуальной мощи. Его внушительные очертания придавали силу его словам.

– Цвет человечества, – продолжил он после небольшой паузы. – Кто это определит? Я должен решить этот вопрос. Это миллиардеры? Это цари и правители? Это люди науки? Это лидеры общества? Уф! Я должен подумать об этом. Я не могу принять их всех, но я дам им всем шанс спастись, хотя я знаю, что они не последуют совету.

Здесь он сделал паузу.

"Не подойдут ли существующие корабли или те новые, что будут построены? – Внезапно спросил Джозеф Смит, прерывая ход мыслей Космо.

– Ни в ком случае, – последовал ответ. – Они не подходят для навигации, которая требуется. Они недостаточно плавучие, недостаточно управляемые, и у них недостаточно грузоподъемности для запасов и провизии. Они будут затоплены у причалов, или, если им удастся уйти, они отправятся на дно в течение нескольких часов. Ничто, кроме специально построенных ковчегов, не годится. И есть у меня еще большая проблема – я должен изобрести корпус новой формы. Боже, как мало времени! Почему я не мог понять этого десять лет назад? Только сегодня я сам узнал всю правду, хотя я так долго работал над этим.

– Сколько человек вы сможете разместить в своем ковчеге? – спросил Смит.

– Я пока не могу сказать. Это еще один вопрос, который следует тщательно рассмотреть. Я построю корпус из этого нового металла, левия, наполовину тяжелее алюминия и вдвое прочнее стали. Думаю, я без малейшего труда найду в нем место для примерно тысячи человек.

– Уверен, что гораздо больше, чем это количество! – воскликнул Джозеф Смит. – Есть же океанские лайнеры, которые перевозят в несколько раз больше.

– Вы забываете, – ответил Космо Версаль, – что у нас должно быть достаточно провизии, чтобы хватило на долгое время, потому что мы не можем рассчитывать на немедленное возрождение какой-либо поверхности Земли, даже самой гористой, а даже самая уплотненная пища занимает много места, когда ее требуется большое количество. Не годится переполнять корабль и вызывать голод. К тому же я также должен взять с собой много животных.

– Животные, – ответил Смит. – Я об этом не подумал. Но так ли это необходимо?

– Абсолютно. Разве у нас должно быть меньше предусмотрительности, чем у Ноя? Я не буду подражать ему, забирая самцов и самок всех видов, но я должен, по крайней мере, обеспечить пополнение запасов тех земель, которые в конечном итоге появятся над водами, животными, наиболее полезными для человека. Кроме того, животные также необходимы для жизни на земле. Любой агрохимик скажет вам это. Они играют незаменимую роль в жизненном цикле

почвы. Я должен также взять определенные виды насекомых и птиц. Я позвоню профессору Хергешмитбергеру в Берлин, чтобы точно узнать, какие виды животного мира являются наиболее важными.

– И когда вы начнете строительство ковчега?

– Немедленно. Нельзя терять ни минуты. И не менее важно немедленно отправлять предупреждения в эфир. Здесь ты можешь мне помочь. Ты знаешь, что я хочу сказать. Напишите это немедленно, сделайте это настолько сильным, насколько сможете; разошлите это повсюду, оформите это в виде плакатов, поспешите разослать это по редакциям газет. Позвоните от моего имени в Институт Карнеги, в Смитсоновский институт, в Королевское общество, во французскую, российскую, итальянскую, немецкую и все другие Академии и научные ассоциации, которые возможно найти во всех уголках земле.

– Не пренебрегайте малейшими средствами рекламы. Слава Богу, денег на оплату всего этого хватает. Если бы мой добрый отец, когда сколачивал свое состояние на прибылях Трансконтинентальной авиационной компании, мог предвидеть, что его сын употребит капитал во благо – что я говорю, во благо? нет, для спасения всего человечества, он бы порадовался своей работе.

– Ах, вы как раз напомнили мне! – воскликнул Джозеф Смит. – Несколько минут назад я собирался спросить, почему дирижабли не подходят для этого дела. Разве люди не могли спастись от потопа, укрывшись в атмосфере?

Космо Версаль посмотрел на своего собеседника с иронической улыбкой.

– Знаете ли вы, – спросил он, – как долго дирижабль может держаться в воздухе? Знаете ли вы, на какое время полета могут быть обеспечены энергией лучшие типы самолетов? Нет ни одного воздушного корабля, который мог бы лететь более двух недель в самом крайнем случае, не касаясь твердой земли, и даже в этом случае он должен быть очень экономным выдавая большую мощность. Если мы сможем спасти человечество сейчас и дать ему еще один шанс, возможно, придет время, когда силу можно будет черпать из космического эфира, и люди смогут парить в воздухе столько, сколько захотят.

– Но при нынешнем положении вещей мы должны вернуться к плану Ноя и довериться жизненной силе воды. Я вполне ожидаю, что, когда начнется потоп, люди устремятся в высокогорья и горы на воздушных кораблях, но, увы! Это их не спасет. Помните, что я вам сказал – глубина этого наводнения составит шесть миль!

На второе утро после разговора между Космо Версалем и Джозефом Смитом Нью-Йорк был поражен, увидев огромные красные буквы на каждой глухой стене, на голых боках небоскребов, на высоких станциях самолетных линий, на рекламных щитах, заборах, баннеров вдоль пригородных дорог, на станциях метро и развевающихся над городом воздушных змеев следующее объявление:

"МИР ДОЛЖЕН УТОНУТЬ!

Спасайтесь, пока еще есть время! Бросьте свой бизнес: это не имеет никакого значения! Стройте ковчеги: это ваше единственное спасение! Земля собирается погрузиться в водянистую туманность: выхода нет! Сотни миллионов утонут: у вас есть всего несколько месяцев, чтобы подготовиться! Подробности по адресу: Космо Версаль, Пятая авеню, 3000."

Глава II. НАСМЕШКА НАД СУДЬБОЙ

Когда Нью-Йорк оправился от своего первого изумления по поводу необычных плакатов, он разразился громким смехом. Все знали, кем был Космо Версаль. Его эксцентричность заполнила многие читаемые колонки в газетах. И все же к нему было определенное уважение. Это произошло благодаря его необычайным интеллектуальным способностям и неоспоримым научным знаниям. Но его воображение было свободно, как ветер, и часто уводило его в такие странствия, в которых никто не мог за ним уследить и которые заставляли более консерватив-

ных ученых братьев качать головами. Они назвали его способным, но непостоянный. Публика считала его блестящим и забавным.

Его отец, который происходил из какого-то неизвестного местечка в юго-восточной Европе и, начав с разносчика газет в Нью-Йорке, добился успеха в финансовом мире, оставил все свое состояние Космо. У последнего не было тяги к финансам или бизнесу, но была всепоглощающая тяга к науке, которой он, по-своему, посвятил все свои силы, все свое время и все свои деньги. Он никогда не был женат, никогда не появлялся в обществе, и у него было очень мало близких друзей, но его знали в лицо или по репутации все. Не было ни одного сколько-нибудь значимого научной организации или ассоциации в мире, членом которой он не был. Те, кто косо смотрел на его причудливые идеи, были рады принять от него денежную помощь.

Мысль о том, что мир должен утонуть, овладела им примерно за три года до вступительной сцены этого повествования. Чтобы реализовать эту идею, он построил обсерваторию, оборудовал лабораторию, изобрел инструменты, в том числе свой странный спектроскоп, над которым потешался научный мир.

Наконец, подвергнув результаты своих наблюдений математической обработке, он, к собственному удовлетворению, доказал абсолютную правильность своего тезиса о том, что хорошо известное "правильное движение Солнечной системы" должно было привести к столкновению Земли с невидимой водяной туманностью, что привело бы эффекту затопления земного шара. По мере того, как эта поразительная идея постепенно обретала форму, он делился ею с учеными людьми во всех странах, но не смог найти ни одного ученика, кроме своего друга Джозефа Смита, который, не имея возможности следовать всем его рассуждениям, принял на веру выводы более мощного разума Космо. Соответственно, в конце своего расследования он нанял Смита секретарем, пропагандистом и агентом по рекламе.

Нью-Йорк целый день и ночь смеялся над предупреждающими красными буквами. О них говорил весь город. Люди шутили о них в кафе, клубах, дома, на улицах, в офисах, на биржах, в трамваях, в надземках, в метро. Толпы людей собирались на углах, чтобы посмотреть на развешиваемые плакаты на воздушных змеях. Вечерние газеты выпустили специальные статьи, в которых говорилось о грядущем наводнении, и повсюду слышались крики мальчишек-газетчиков: "Экстренная новость! Тысяча миллионов человек утонут! Космо Версаль предсказывает Конец света!" На своих редакционных страницах газеты старались не обращать внимания на пугающие строки и потрясающие фотографии, которые покрывали первые полосы, с юмористическими насмешками над автором грозного предсказания.

"Сова", которая была единственной газетой, поместившей новости в полстолбца обычным шрифтом, заняв осуждающую позицию, призвала городские власти снести плакаты и намекнула, что "этот абсурдный человек, Космо Версаль, который позорит некогда почетное имя своей детской попыткой создать сенсацию, которая может нанести неисчислимый вред невежественным массам", должен подвергнуться уголовному преследованию.

В своих последних выпусках несколько газет напечатали интервью с Космо Версалем, в котором он привел цифры и расчеты, которые, на первый взгляд, казались математическим доказательством правильности его прогноза. В страстных выражениях он умолял общественность поверить, что он не вводит их в заблуждение, говорил о немедленной необходимости строительства безопасных ковчегов и утверждал, что присутствие ужасной туманности, которая так скоро поглотит мир, уже проявилось на небесах.

Некоторые читатели этих уверенных заявлений начали колебаться, особенно когда столкнулись с математикой, которую они не могли понять. Но все равно, в общем, смех продолжался. Это вызвало шум в одном из крупнейших театров, где остроумный артист, который всегда стремился к самой последней сенсации, изобразил живую имитацию хорошо известной фигуры Космо Версаля, увенчанную лысой головой размером с бушель, и уплыл в море с

хорошенькой участницей балета, которую он галантно выхватил из бурлящего океана зеленого сукна, распевая во весь голос, пока они не скрылись за занавесью авансцены:

"О, эта Туманность приближается, Чтобы утопить нечестивую землю, И все ее спирали гудят, Когда она вальсирует в своем веселье.

Припев "Не медлите ни секунды, готовьтесь к посадке и отправляйтесь в безопасное место вместе с Космо и его ковчегом."

"Эта туманность – ужасная птица, она скользит по синему эфиру! Она зла из-за того, что услышала, И положила на тебя глаз."

Припев "Не колеблясь ни секунды и т.д.

"Когда из туманности хлынет по трубопроводу H₂O, ставлю на твою жизнь, настало время подумать, что ты будешь делать."

Припев "Не колеблясь ни секунды и т.д.

"Она опрокинет Атлантический океан до краев И затопит высокие горы; Она выпустит широкий Тихий океан И вообще не оставит земли."

Припев "Не колеблясь ни секунды и т.д.

"У нее есть право выбора в отношении сфер; Она арендовала Млечный Путь; Она погрузила планеты в долги, и она обязана заставить их заплатить."

Припев "Не колеблясь ни секунды и т.д."

Взрывы смеха и аплодисменты, которыми было встречено это излияние водевильного гения, показали, в каком веселом настроении публика восприняла это событие. Казалось, "невежественным массам" пока не причинили никакого вреда.

Но на следующее утро в общественном сознании произошла подозрительная перемена. Люди были удивлены, увидев новые плакаты вместо старых, более кричащие по буквам и языку, чем оригинал. В утренних газетах были колонки описаний и комментариев, и некоторые из них, казалось, были склонны относиться к пророку и его предсказанию с определенной степенью серьезности.

Ученые, у которых брали интервью всю ночь, говорили не очень убедительно и совершили ошибку, обрушившись с презрением как на Космо, так и на легковверную публику.

Естественно, общественность этого не поддержала, и маятник общественного мнения начал качаться в другую сторону. Космо помог своему делу, разослав во все газеты тщательно подготовленное заявление о своих наблюдениях и расчетах, в котором он говорил с такой силой убеждения, что мало кто мог читать его слова, не испытывая трепета тревожной неуверенности. Это было усилено опубликованными депешами, которые показали, что он направил свои предупреждения всем известным научным организациям мира, которые, осуждая их, не дали никакого эффективного ответа.

А затем последовала тревожная нота в бюллетене новой обсерватории на горе Мак-Кинли с двойным заголовком, в котором утверждалось, что в течение предыдущей ночи на северном небе наблюдалась странная облачность, которая, казалось, скрывала многие звезды ниже двенадцатой величины. Было добавлено, что явление было беспрецедентным, но наблюдение было одновременно затрудненным и ненадежным.

Нигде атмосфера сомнения и тайны, которая теперь начала нависать над публикой, не была такой примечательной, как на Уолл-стрит. Чувствительные течения там отреагировали на новое влияние подобно электрическим волнам, и, к ужасу трезвомыслящих наблюдателей, рынок рухнул, как будто по нему ударили кувалдой. Акции упали на пять, десять, в некоторых случаях на двадцать пунктов за столько же минут.

Спекулятивные темы покатились вниз, как пшеница в мусорное ведро, когда открываются желоба. Никто не мог проследить точное происхождение движения, но посыпались заказы на продажу акций, пока не возникла настоящая паника.

Из Лондона, Парижа, Берлина, Вены, Санкт-Петербурга посыпались депеши, в которых сообщалось, что тот же самый необоснованный спад проявился и там, и все объединились в том, чтобы возложить на Космо Версаля единоличную ответственность за глупый скачок цен. Финансовые лидеры бросились на биржи, пытаясь аргументами и увещаниями остановить падение, но тщетно.

Во второй половине дня, однако, разум частично восстановил свое влияние; затем почувствовалось быстрое восстановление, и многие, кто поспешил продать все, что у них было, нашли повод пожалеть о своей поспешности. На следующий день все пошло на поправку, что касается фондового рынка, но среди широких слоев населения продолжал распространяться яд пробужденной легковёрности, подпитываемый свежими новостями как из фонтана.

Космо сделал еще одно заявление о том, что он усовершенствовал планы безопасного ковчега, который он немедленно начнет строить в окрестностях Нью-Йорка, и он не только предложил свободно поделиться своими планами с любым, кто пожелает начать строительство за свой счет, но и призвал их во имя Небес, не терять времени. Это произвело потрясающий эффект, и множество людей начало заражаться невыразимым страхом.

Тем временем за закрытыми дверями в штаб-квартире Института Карнеги в Вашингтоне произошла необычная сцена. Джозеф Смит, действуя под руководством Космо Версаля, направил тщательно продуманный краткий текст аргументаций последнего, сопровождаемый полными математическими подробностями, главе учреждения. Характер этого документа был таков, что его нельзя было игнорировать. Более того, ученые, входящие в совет самой важной научной ассоциации в мире, были осведомлены о состоянии общественного сознания и чувствовали, что они обязаны что-то предпринять, чтобы успокоить тревогу. В последние годы им был предоставлен своего рода контроль за научными новостями всех видов, и они ценили тот факт, что теперь на их плечах лежит ответственность.

Соответственно, было созвано специальное совещание для рассмотрения сообщения от Космо Версаля. Было общее убеждение, что небольшой критический анализ приведет к полному доказательству ошибочности всей его работы, доказательству, которое можно было бы изложить в форме, понятной даже самому необразованному человеку.

Но как только бумаги, диаграммы и математические формулы были разложены на столе под понимающими взглядами ученых членов совета, по ним пробежал холод сознательного негодования. Они увидели, что математика Космо безупречна. Его формулы были выведены точно, а его действия абсолютно правильны.

Они ничего не могли сделать, кроме как атаковать его фундаментальные данные, основанные на предполагаемых открытиях его новой формы спектроскопа и на телескопических наблюдениях, которые были описаны так подробно, что единственным способом бороться с ними было общее утверждение, что они иллюзорны. По мнению общественности, это был очень неудовлетворительный метод процедуры, поскольку он сводился не более чем к подрыву доверия к свидетелю, который делал вид, что описывает только то, что он сам видел, а нет ничего сложнее, чем доказать отрицательный результат.

Тогда на стороне Космо была вся сила той странной тенденции человеческого разума, которая обычно тяготеет ко всему экстраординарному, революционному и таинственному.

Но возникла еще большая трудность. Упоминалось о странном бюллетене из обсерватории Маунт-Маккинли. Это было неосторожно доведено до сведения общественности легкомысленным наблюдателем, который был больше сосредоточен на описании необычного явления, чем на рассмотрении его возможного воздействия на общественное воображение. Он немедленно получил обличительную депешу из штаб-квартиры, которая отныне закрыла ему рот, но он сказал простую правду, и то, как это было неловко, стало очевидным, когда на тот самый стол, за которым теперь собрались ученые, быстро друг за другом легли три депеши из крупнейших обсерваторий горы Гекла, Исландии, Нордкапа и Камчатки, подтверждающие

заявление обсерватории Маунт-Маккинли о том, что необъяснимое затенение тусклых звезд проявилось в северной четверти неба Атлантического океана.

Когда президент прочитал эти депеши, которые отправители предусмотрительно поместили как "конфиденциальные", члены совета посмотрели друг на друга с немалой тревогой. Это было самое непредвзятое подтверждение утверждения Космо Версаль о том, что большая туманность уже находится в пределах досягаемости наблюдения. Как они могли оспаривать такое свидетельство, и что они должны были сделать из этого?

Двое или трое членов совета начали колебаться в своих убеждениях.

– Честное слово, – воскликнул профессор Александр Джонс, – это очень любопытно! И мы должны предположить, что парень, в конце концов, может быть прав?

– Вздор! – презрительно воскликнул президент, профессор Пладдер. – Кто когда-нибудь слышал о водянистой туманности? Это абсурдно!

– Я не вижу в этом абсурда, – ответил профессор Джонс. – Существует множество доказательств существования водорода в некоторых туманностях.

– Так оно и есть, – вмешался профессор Абель Эйбл, – и если есть водород, то может быть и кислород, и там у вас есть все, что необходимо. Абсурдна не идея о том, что туманность может состоять из водянистого пара, а то, что водянистая туманность, достаточно большая, чтобы затопить землю в результате конденсации на ней, могла подойти так близко, как эта, и не выдать своего присутствия раньше.

– Каким образом? – спросил чей-то голос.

– Своим притяжением. Космо Версаль говорит, что до нее уже менее трехсот миллионов миль. Если она достаточно весомая, чтобы затопить землю, ее давно следовало обнаружить по нарушению планетарных орбит.

– Всего нет, – воскликнул профессор Иеремия Мозес. – Если вы будете придерживаться этого аргумента, вы наверняка утонете. Просто взгляните на эти факты. Земля весит шесть с половиной секстиллионов тонн, а океан – полтора квинтиллиона. Средняя глубина океанов составляет две и одну пятую мили. Теперь, если бы уровень мирового океана поднялся всего на 1600 футов, практически все населенные пункты мира были бы затоплены. Чтобы вызвать такое повышение уровня океанов, к их общей массе нужно было бы добавить лишь примерно одну восьмую часть, или, скажем, одну седьмую часть, с учетом большой поверхностью, которую нужно покрыть. Это составило бы одну тридцатитысячную веса земного шара, и если предположить, что на земле конденсировалась только одна сотая всей туманности, то вся масса туманности не должна была бы превышать одну трехсотую веса Земли или четверть веса Луны – и ни у кого здесь не хватит смелости сказать, что приближение массы, не превышающей эту, вероятно, было бы обнаружено благодаря ее притяжению, когда она находилась на расстоянии трехсот миллионов миль.

Несколько присутствующих астрономов покачали головами, услышав это, а профессор Пладдер раздраженно заявил, что это абсурд.

– Притяжение было бы заметно, когда оно находилось бы на расстоянии тысячи миллионов миль, – продолжил он.

– Да, заметно, я признаю, – ответил профессор Мозес, – но все равно вы бы этого не заметили, потому что вы бы не искали его, если бы туманность не была видна первой, и даже тогда потребовались бы месяцы наблюдений, чтобы обнаружить эффекты. И как вы собираетесь обойти эти сведения? Сейчас это начинает проявляться, и я готов поспорить, что если с этого времени вы будете внимательно изучать движение планет, вы обнаружите свидетельства того, что возмущение становится все сильнее и сильнее. Версаль точно указал именно на это и вычислил возмущения. Эта тварь пришла, как вор в ночи.

– Вам лучше поторопиться и занять место в ковчеге, – саркастически сказал профессор Пладдер.

– Я не уверен, но я сделаю это, если смогу его получить, – ответил профессор Мозес. – Возможно, через несколько месяцев вы уже не подумаете, что это такой уж смешной вопрос.

– Я удивлен, – продолжал президент, – что человек с вашим научным положением должен унижать себя, принимая всерьез такую чушь, как эта. Я говорю вам, что это абсурдно.

– А я говорю вам, что вы абсурдны, говоря так! – возразил профессор Мозес, теряя самообладание. – У вас под контролем четыре самых больших телескопа в мире, почему бы вам не приказать своим наблюдателям искать эту штуку?

Профессор Пладдер, который был очень крупным мужчиной, выпрямил свою округлую фигуру и, со звонким стуком опустив кулак на стол, воскликнул:

– Я не сделаю ничего настолько нелепого! На эти сведения, несомненно, повлияло народное волнение. Возможно, в атмосфере была небольшая неясность – перистые облака или что-то в этом роде, а остальное наблюдатели вообразили. Я не собираюсь оскорблять науку, поощряя деятельность такого шарлатана, как Космо Версаль. Что нам нужно сделать, так это подготовить сообщение для прессы, успокаивающее население и склоняющее авторитет этого учреждения на сторону здравого смысла и общественного спокойствия. Пусть секретарь напишет такое сообщение, и тогда мы отредактируем его и отправим.

Профессор Пладдер, от природы деспотичный, иногда бывал немного властным, но, будучи человеком больших способностей и пользующимся всеобщим уважением за его высокое положение в научном мире, его коллеги обычно склонялись перед его решениями. В этом случае его силы характера хватило, чтобы заставить замолчать сомневающихся, и когда заявление, предназначенное для прессы, получило последние штрихи, в нем не было и намека на семена раздора, которые Космо Версаль посеял среди выдающихся ученых Америки. На следующее утро во всех газетах появилось следующее сообщение:

Официальное заявление Института Карнеги

"Вследствие народного волнения, вызванного сенсационным заявлением известного претендента на научные знания из Нью-Йорка, совет данного учреждения подтверждает заявление о том, что он рассмотрел предполагаемые основания, на которых базируется предсказание великого потопа, вызванного столкновением туманности с Землей, и обнаруживает, как и все настоящие люди науки знали заранее, что все это просто слух.

Туманности не состоят из воды; если бы они состояли из воды, они не могли бы вызвать потоп на земле; сообщение о том, что в звездном небе виден какой-то странный туманный объект, основано на недоразумении; и, наконец, так называемые расчеты автора этой непростительной мистификации являются необоснованными и полностью лишены доказательств.

Общественности настоятельно рекомендуется больше не обращать внимания на этот вопрос. Если бы для Земли существовала какая-либо опасность, а такое не следует рассматривать всерьез, астрономы знали бы об этом заблаговременно и дали бы должное и официальное предупреждение."

К несчастью для популярности этого заявления, в то самое утро, когда оно появилось в печати, тридцать тысяч человек столпились вокруг старого авиационного поля в Минеоле, взволнованно наблюдая, как Космо Версаль с пятью сотнями рабочих закладывает фундамент огромной платформы, в то время как вокруг поля были натянуты полотнища с изображением слова:

"Ковчег спасения"

Всесторонний осмотр, приглашаем всех присутствующих, предоставим бесплатные планы подобных сооружений, небольшие ковчегии могут быть построены для семей, действуйте, пока еще есть время"

Толпа с первого взгляда увидела, что это работа, которая будет стоить миллионы, и зрелище этих огромных расходов, доказательством того, что Космо подкреплял свои слова своими деньгами, послужило молчаливым аргументом, перед которым нельзя было устоять. Посреди

всего этого, порхая среди своих людей, находился сам Космо, впечатляя каждого зрителя ощущением, что этот ум был главным.

Как серый мундир Наполеона на поле битвы, вид этого могучего человека вселял уверенность.

Глава III. ПЕРВЫЕ КАПЛИ ПОТОПА

Заявление Института Карнеги действительно провалилось, и воцарилась взошедшая звезда Космо Версаля. Он продвигал свои приготовления с поразительной скоростью, и не только политика, но даже война, которая только что разразилась в Южной Америке, была отодвинута на второй план в газетах бесконечными описаниями таинственных событий в Минеоле. Космо по-прежнему ежедневно находил время, чтобы писать статьи и давать интервью, а Джозефа Смита постоянно держал в напряжении, он бежал за трамваями или поездами или прыгал, в развевающемся длинном пальто, входя и выходя из лифтов в непрерывных странствиях по газетам, научным обществам и собраниям ученых или необразовательных организаций, которых убедил исследовать тему грядущего потопа. Между работой по подготовке и обращением в веру трудно понять, как Космо находил время для сна.

День за днем Ковчег Спасения поднимался все выше на своей огромной платформе, его огромные металлические ребра и широкие выпуклые борта странно поблескивали в непрерывном солнечном свете, словно подражая зловещему затишью перед землетрясением, июльское небо очистилось от всех облаков. Никакие грозы не нарушали безмятежности долгих дней, и никогда еще всеохватывающие небеса не казались такими чистыми и неподвижными в своих лазурных глубинах.

Во всем мире, как показали сводки новостей, царило то же странное спокойствие. Космо не преминул привлечь внимание к этому беспрецедентному спокойствию природы как верному предвестнику готовящегося ужасного события.

Жара стала невыносимой. Сотни людей погибли на пылающих улицах. Множество людей бежали на берег моря и лежали, тяжело дыша, под зонтиками на раскаленном песке или тщетно искали облегчения, погружаясь в горячую воду, которая, лениво накатывая вместе с приливом, ощущалась так, как будто ее вылили из котла.

Тем не менее, потные толпы постоянно наблюдали за рабочими, которые боролись с невыносимой жарой, хотя Космо соорудил для них брезентовые экраны и установил сотню огромных электрических вентиляторов для создания легкого бриза.

Начав с пятисот человек, он менее чем за месяц увеличил свои силы почти до пяти тысяч, многие из которых, не занятые непосредственно строительством, готовили материалы и складировали их. Ковчег был изготовлен из чистого левия, чудесного нового металла, который, хотя уже использовался в строительстве самолетов и каркасов дирижаблей, ранее не использовался для судостроения, за исключением нескольких небольших лодок, да и те использовались только на флоте.

Для простого сырья Космо, должно быть, потратил огромную сумму, и его расходы были увеличены в четыре раза из-за того, что он был вынужден, чтобы сэкономить время, практически арендовать несколько крупнейших сталелитейных заводов в стране. К счастью, левий легко раскатывался в пластины, и его запасов было достаточно благодаря открытию за два года до этого ускоренного процесса получения металла из его руд.

Отделения беспроводного телеграфа и телефонной связи были осаждены корреспондентами, стремившимися разослать по всей Европе и Азии последние сведения о строительстве великого ковчега. Никто не последовал совету или примеру Космо, но все были очень заинтересованы и озадачены.

Наконец, правительственные чиновники оказались вынуждены обратить внимание на это дело. Они больше не могли игнорировать это после того, как обнаружили, что строительство ковчега серьезно мешает ведению общественных дел. Срочные заказы Космо Версаля, сопро-

вождаемые денежными стимулами, смещали или откладывали заказы правительства на военные материалы для военно-морского и воздушного флота. В результате примерно в середине июля он получил повестку о визите к президенту Соединенных Штатов. Космо поспешил в Вашингтон в указанный день и предъявил свою визитную карточку в Белом доме. Его немедленно провели в приемную президента, где он обнаружил весь Кабинет в полном собрании. Когда он вошел, он был в центре внимания огромной батареи любопытных и не слишком дружелюбных глаз.

Президент Самсон был крупным, грузным мужчиной, ростом более шести футов. Каждый член его кабинета был выше среднего в тучности, а авторитетный президент Института Карнеги, профессор Пладдер, который был специально приглашен, добавил своим присутствием к атмосфере тяжеловесности, которая характеризовала собрание. Все казались еще крупнее из-за тонких белых одежд, которые носили из-за невыносимой жары. Многие спешно приехали с различных летних курортов и были явно раздражены необходимостью присутствовать здесь по приказу президента.

Космо Версаль был единственным хладнокровным мужчиной там, и его миниатюрная фигура представляла разительный контраст с остальными. Но он выглядел так, как будто у него было больше мозгов, чем у них всех вместе взятых.

Его ни в малейшей степени не пугали враждебные взгляды государственных деятелей. Напротив, его губы заметно скривились в полупрезрительной улыбке, когда он пожал большую руку, которую ему протянул президент. Как только Космо Версаль погрузился в объятия большого мягкого кресла, президент открыл собрание.

– Я приказал вам прийти, – сказал он величественным тоном, – чтобы скорейшим образом развеять последствия ваших неоправданных предсказаний и экстраординарных действий для общественного сознания и, я могу добавить, для общественных дел. Знаете ли вы, что вы вмешались в дела правительства по обороне страны? Из-за ваших действий отложено начало строительства четырех линкоров, которые Конгресс санкционировал в срочной спешке из-за угрожающего положения дел на Востоке? Вряд ли мне нужно говорить вам, что мы, в случае необходимости, найдем средства отменить частные соглашения, в соответствии с которыми вы действуете, как противоречащие общественным интересам, но вы уже нанесли серьезный удар по безопасности вашей страны.

Президент произнес последнюю фразу с ораторским напором, и Космо почувствовал, как вокруг него одобрительно зашевелились широкие официальные плечи. Презрение усилилось на его губах.

После минутной паузы Президент продолжил:

– Прежде чем перейти к крайностям, я хотел увидеть вас лично, чтобы, во-первых, убедиться, что вы психически ответственны, а затем воззвать к вашему патриотизму, который должен побудить вас немедленно снять препятствие, столь опасное для нации. Знаете ли вы, в какое положение вы себя поставили?

Космо Версаль поднялся на ноги и вышел в центр комнаты, как маленький Давид. Все глаза были прикованы к нему. Его голос был ровным, но напряженным от сдерживаемой нервозности.

– Господин президент, – сказал он, – вы обвинили меня в препятствовании мерам правительства по обороне страны. Сэр, я пытаюсь спасти всю человеческую расу от опасности, по сравнению с которой опасность войны бесконечно мала – опасности, которая надвигается на нас с ужасающей скоростью и которая поразит все страны на земном шаре одновременно. В течение семи месяцев ни один военный корабль или любое другое существующее судно не останется на плаву.

Слушатели улыбались и многозначительно кивали друг другу, но оратор становился только серьезнее.

– Вы думаете, что я сумасшедший, – сказал он, – но правда в том, что вас обманула официальная глупость. Этот человек, – он указал на профессора Пладдера, – который хорошо меня знает и которому были представлены все мои доказательства, либо слишком туп, чтобы понять истину, либо слишком упрям, чтобы признать свою собственную ошибку.

– Ну, ну, – сурово прервал президент, в то время как профессор Пладдер сильно покраснел, – так не пойдет! Не позволяйте себе здесь никаких личностей. Я сильно постарался, предлагая вообще выслушать вас, и я пригласил главу величайшего из наших научных обществ присутствовать, в надежде, что здесь, перед всеми нами, он сможет убедить вас в вашей глупости и, таким образом, быстро положить конец всему этому нечестивому делу.

– Он убедит меня! – презрительно воскликнул Космо Версаль. – Он не способен понять элементарных вещей в моей работе. Но позвольте мне сказать вам вот что, господин Президент – в его собственном совете есть люди, которые не так слепы. Я знаю, что произошло на недавнем заседании этого совета, и я знаю, что смехотворное объявление, сделанное от его имени, чтобы ввести в заблуждение общественность, было придумано им и не выражает реального мнения многих членов совета.

Лицо профессора Пладдера стало еще краснее, чем когда-либо.

– Назови хоть одного! – прогремел он.

– А, – насмешливо сказал Космо, – это сильно задевает, не так ли? Вы хотите, чтобы я назвал одного, что ж, я назову трех. Что сказали профессор Александр Джонс и профессор Абель Эйбл о существовании водяной туманности, и каково было мнение, выраженное профессором Иеремией Мозесом о фактическом приближении одной из них с северного неба, и что она может сделать, если столкнется с Землей? Каково было единодушное мнение всего совета о правильности моей математической работы? И что, – продолжил он, подходя к профессору Пладдеру и грозя ему пальцем, – что вы сделали с теми тремя депешами из Исландии, с Северного Мыса и с Камчатки, которые полностью подтвердили мое заявление о том, что туманность уже видна?

Профессор Пладдер начал запинаясь:

– Какая-то диверсия...

– А, – воскликнул Космо, приблизившись к нему, – ого! Диверсия? Тогда, ты признаешь это! Господин Президент, я прошу вас заметить, что он признает это. Сэр, это заговор с целью сокрытия правды. Великие Небеса, мир на грани того, чтобы утонуть, и все же гордыня чиновничества настолько сильна в этом трудяге Пладдере и других ему подобных, что они скорее рискнут позволить уничтожить человеческую расу, чем признают правду!

Космо Версаль говорил с такой огромной концентрацией умственной энергии и с такой очевидной искренностью убеждения, и он так явно разгромил профессора Пладдера, что президент, не меньше, чем другие слушавшие его государственные деятели, оказался в затруднительном положении.

Послышался скрип тяжело нагруженных стульев, тяжелое движение прошлось по всему залу, в то время как выражение недоумения стало видно на каждом лице. Поведение профессора Пладдера помогло изменить моральную атмосферу. Он был настолько удивлен обвинением Космо, основанным на фактах, которые, как он предполагал, были известны только ему и совету, что он вообще не мог говорить ни минуты, и прежде чем он смог привести в порядок свои мысли, его торжествующий маленький противник возобновил атаку.

– Господин президент, – сказал он, положив руку на подлокотник большого кресла мистера Самсона, которое находилось почти на уровне его груди, и заговорил с убедительной серьезностью, – вы исполнительный глава могущественной нации – нации, которая задает темп всему миру. В ваших силах оказать огромную, неисчислимую услугу человечеству. Одно ваше официальное слово спасло бы миллионы и миллионы жизней. Я умоляю вас, вместо того, чтобы вмешиваться в мою работу, немедленно отдать приказ о строительстве как можно боль-

шего количества ковчегов на основе усовершенствованных мною чертежей, насколько это возможно на военно-морской верфи возможно, это получится. Издайте воззвание к людям, предупредив их, что это их единственный шанс на спасение.

Благодаря любопытной работе человеческого разума эта речь стоила Космо почти всех преимуществ, которые он получил ранее. Его злое предположение об огромной туманности, несущейся с небес, чтобы поглотить землю, произвело огромное впечатление на воображение его слушателей, а его неоспоримое обвинение в том, что профессор Пладдер скрывает факты, почти убедило их в его правоте. Но когда он упомянул "ковчеги", напряжение спало, и на широком лице президента появилась улыбка. Он покачал головой, и он уже собирался заговорить, когда Космо, поняв, что потерял почву под ногами, сменил тактику.

– Вы все еще не верите! – воскликнул он. – Но доказательство перед вами! Посмотрите на пылающие небеса! В анналах метеорологии нет записей о другом таком лете, как это. Авангард роковой туманности уже рядом. Признаки бедствия на небе. Но, обратите внимание на то, что я говорю – это только первое знамение. За ним по пятам следует еще одно, которое может появиться в любой момент. На смену холоду придет жара и наоборот, и по мере того, как мы будем мчаться по тонким внешним спиральям, на землю будут поочередно обрушиваться снежные и мокрые бури и опалать яростные вспышки солнечного огня. В течение трех недель атмосфера нагревалась из-за наплыва невидимых паров, но, предупреждаю вас, берегитесь надвигающихся перемен!

Эти необычные слова, произнесенные с диким видом пророка, довершили растущее убеждение слушателей в том, что они действительно имеют дело с сумасшедшим, и профессор Пладдер, восстановив самообладание, поднялся на ноги.

– Господин президент, – начал он, – доказательства, которые мы только что услышали, неуравновешенность ума...

Более он ничего не смог сказать. Внезапно на комнату опустилась пелена темноты. Черничный занавес, казалось, упал с неба. В то же время окна сотрясались от сильных порывов ветра, и, когда поспешно включили электрическое освещение, было видно, как огромные снежинки вперемешку с грохочущими градинами летят снаружи. За несколько секунд несколько больших стекол были разбиты, и ледяной ветер, пронесшийся по помещению, заставил зубы легко одетых государственных деятелей застучать, в то время как шум бури стал оглушительным. Небо посветлело, но в тот же миг ужасные раскаты грома сотрясли здание. Два или три дерева на территории Белого дома были поражены молниями, и их сломанные ветви были подняты в воздух и вознесены высоко над землей смерчем, а одно из них было отброшено к зданию с такой силой, что на мгновение показалось, что стена разрушена.

После того, как прошел первый ошеломляющий эффект от этой вспышки стихии, все бросились к окнам, чтобы выглянуть наружу – все, кроме Космо Версаля, который остался стоять в центре комнаты.

– Я говорил вам! – сказал он, но его никто не слушал. То, что они увидели снаружи, поглотило все их внимание. Шум был настолько оглушительным, что они не могли услышать говорившего.

Мы говорили, что воздух посветлел после прохождения первого покрова туманности, но это не было повторным появлением солнца, которое вызвало просветление. Это был ужасный свет, который, казалось, рождался из самого воздуха. У него был угрожающий, медный оттенок, характер которого постоянно менялся. Все верхние слои атмосферы были забиты плотными облаками, которые кружились и кувыркались, скручиваясь в огромные вихревые валы, вращаясь подобно гигантским мельничным крыльям. Однажды один из таких вихрей устремился вниз со скоростью снаряда, быстро приняв ужасную форму торнадо, и там, где он ударил в землю, он разорвал все на куски – деревья, дома, сама земля были измельчены в порошок, а затем все это закружилось в воздухе под действием непреодолимого воздушного водоворота.

Иногда темнота возвращалась на несколько минут, как будто на небо набрасывали покров, а затем мрак снова рассеивался, и снова появлялся красноватый отблеск. Эти быстрые смены непроницаемого мрака и неземного света потрясли сердца ошеломленных государственных деятелей даже больше, чем рев и порыв бури.

Крик ужаса вырвался у зрителей, когда внезапно появились мужчина и женщина, которые пытались пересечь территорию Белого дома, чтобы добраться до сравнительно безопасного места, и были подхвачены ветром, отчаянно цепляясь друг за друга, и отброшены к стене, у основания которой они упали бесформенной кучей.

Затем последовала еще одна вспышка молнии, и ужасающий разряд обрушился на Монумент Вашингтона и, закрутившись вокруг него, казалось, окутала огромный шток пульсирующим штопором ослепляющего огня. Грохот, который немедленно последовал, заставил Белый дом ходить ходуном на своем фундаменте, и, как будто по его сигналу, небесные врата немедленно открылись, и на землю хлынул дождь, такой густой, что он выглядел как сплошной водопад. Бушующая вода ворвалась в подвал здания и потекла безбрежной рекой к Потوماку.

Потоки дождя, все еще гонимые ветром, хлестали через разбитые окна, оттесняя Президента и остальных на середину комнаты, где вскоре они стояли в потоках воды, пропитавших толстый ковер.

Все они были бледны как смерть. Их глаза искали лица друг друга в немом изумлении. Один только Космо Версаль сохранил полное самообладание. Несмотря на свой небольшой рост, он выглядел их хозяином. Повысив свой голос до самого высокого уровня, чтобы быть услышанным, он закричал:

– Это первые капли Потопа! Поверите ли вы теперь?

Глава IV. МИР ОХВАТИЛ УЖАС

Буря с градом, снегом, молниями и дождем, которая так неожиданно разразилась над Вашингтоном, не была локальным явлением. Он уничтожил антенны беспроводных телеграфных систем по всему миру, прервав связь повсюду. Только подводные телефонные кабели остались незатронутыми, и по ним были переданы самые удивительные новости о разрушительных последствиях шторма. Реки вышли из берегов, низменные города были затоплены, переполненные канализационные стоки городов взорвались и затопили улицы, и постепенно из сельских районов поступали новости, свидетельствующие о том, что обширные участки суши были затоплены, и сотни людей утонули.

Количество осадков намного превысило все, что когда-либо регистрировали метеорологические бюро.

Удары молний и ужасающая сила, которую они проявляли, были особенно катастрофичными.

В Лондоне башня Виктории была частично разрушена разрядом молнии.

В Москве древняя и красивая церковь Василия Блаженного была почти полностью разрушена.

Знаменитая Пизанская башня, чудо веков, обрушилась на землю.

Говорят, что огромный купол собора Святого Петра в Риме на целых три минуты был заключен в ослепляющую броню электрического огня, хотя единственным нанесенным ущербом было падение статуи в одной из часовен.

Но, что самое странное, в Нью-Йорке огромная молния, которая, кажется, вошла в Пенсильванский туннель на стороне Джерси, прошла по рельсам под рекой, сбросив с пути два поезда, и, появившись на большой станции в центре города, превратилась в розовый шар, который взорвался с ужасным грохотом и разнес огромную крышу на куски. И все же, хотя осколки были разбросаны на расстоянии дюжины кварталов, сотни людей, находившихся на станциях, не получили никаких других травм, кроме таких, как в результате того, что их с силой швырнуло на пол или на стены.

Большой ковчег Космо Версаля, казалось, был зачарован. В его окрестностях не произошло ни одного разряда молнии, что он приписал диэлектрическим свойствам левия. Тем не менее ветер унес все его экраны и электрические вентиляторы.

Если бы эта буря продолжалась, предсказанный потоп, несомненно, произошел бы сразу, и даже его пророк погиб бы из-за того, что начал свои приготовления слишком поздно. Но потревоженные стихии погрузились в покой так же внезапно, как и яростно вспыхнули. Дождь продолжался в большинстве мест не более двадцати четырех часов, хотя атмосфера продолжала быть наполненной беспокойными облаками в течение недели. В конце этого времени снова появилось солнце, такое же горячее, как и раньше, и безупречно чистый купол снова накрыл земля, но с этого времени небо никогда не возвращало своей прежней сверкающей лазури – всегда был странный медный оттенок, вид которого был ужасающим, хотя он постепенно утратил свой первоначальный эффект из-за привыкания.

Равнодушие и насмешка, с которыми до сих пор относились к предсказаниям и тщательным продуманным приготовлениям Космо, теперь исчезли, и мир, вопреки себе, содрогнулся от смутного предчувствия. Никакие заверения тех ученых, которые все еще отказывались признать обоснованность расчетов и выводов Космо Версаля, не оказали сколько-нибудь реального воздействия на общественное сознание.

С забавной непоследовательностью люди снова продавали акции, пока все биржи снова не охватила паника, а затем складывали деньги в свои сейфы, как будто они думали, что простое обладание капиталом может их защитить. Они складывали деньги и оставались глухи к неоднократным советам Космо строить на них ковчеги.

В конце концов, они были всего лишь напуганы, а не убеждены, и они чувствовали, что каким-то образом все будет хорошо, особенно теперь, когда они надежно владеют своим имуществом.

Ибо, несмотря на страх, никто по-настоящему не верил, что грядет настоящий потоп. Могут быть большие наводнения, большие страдания и потери, но мир не утонет! Такие вещи происходили только в ранние и темные века.

Некоторые нервные люди находили утешение в том факте, что, когда небо прояснилось после внезапного ливня, были видны яркие радуги. Их сердца подпрыгнули от радости.

"Знамение Завета!" – кричали они. "Узрите неизменную уверенность в том, что мир никогда больше не будет потоплен".

Затем началось великое движение пробуждения, начавшееся в долине Миссисипи под руководством красноречивого проповедника, который заявил, что, хотя и появился лжепророк, чье обманчивое предсказание противоречит Писанию, все же это правда, что мир вот-вот будет наказан неожиданным образом за его многочисленные беззакония.

Это движение быстро распространилось по всей стране и было подхвачено в Англии и по всей протестантской Европе, и вскоре в тысячах церквей возносились молитвы, чтобы отвратить гнев Небес. Таким образом, множество людей обнаружили, что их страхи обратились в новое русло, и в результате странной реакции Космо Версаля стали считать своего рода Антихристом, который пытался ввести человечество в заблуждение.

Как раз в этот момент, чтобы усилить тревогу и неуверенность, внезапно появилась огромная и страшная комета. Она неожиданно пришла с юга, ярко вспыхнув рядом с солнцем, даже в полдень, и несколько ночей спустя была видна после захода солнца с огромным огненным ядром и широким изогнутым хвостом, который, казалось, пульсировал от края до края. Он был настолько ярким, что ночью отбрасывал тени, такие же отчетливые, как тени, создаваемые луной. Такого кометного монстра никогда раньше не видели. Люди содрогались, когда смотрели на это. Она двигалась с поразительной скоростью, проносясь по небосводу, как метла разрушения. Расчеты показали, что она находилась не более чем в 3 000 000 милях от Земли.

Но однажды ночью удивление и ужас, вызванные появлением кометы, были увеличены во сто крат происшествием настолько неожиданным и экстраординарным, что наблюдавшие это ахнули от изумления.

Автор случайно имеет перед собой запись в дневнике, которая, вероятно, является единственной современной записью об этом событии. Она была написана в городе Вашингтон не кем иным, как профессором Иеремией Мозесом из Совета Института Карнеги. Пусть он расскажет свою собственную историю:

"Этой ночью произошло удивительное событие. Я вышел в парк рядом со своим домом с намерением посмотреть на большую комету. Парк с моей стороны (с запада) окружен плотной стеной высоких деревьев, и я вышел на открытое место в центре, чтобы беспрепятственно видеть пылающую незнакомку. Когда я пересекал границу тени деревьев, а земля впереди была ярко освещена светом кометы, я вдруг заметил, невольно вздрогнув, что мне предшествует двойная тень, с черным центром, который разветвлялся от моих ног.

Я оглянулся назад, чтобы найти причину этого явления, и увидел, к моему невыразимому изумлению, что комета разделилась на две. Было два отдельных ядра, уже далеко разделенные, но каждое, как мне показалось, было таким же ярким, как и первичное, и каждое сопровождалась огромным шлейфом огня длиной в сто градусов и, следовательно, простиралась далеко за зенит. Причина двойной тени была очевидна сразу, но что могло вызвать это внезапное разрушение кометы? Должно быть, это произошло со вчерашнего вечера, и уже сейчас, если вычисленное расстояние до кометы верно, части разделенного ядра находятся на расстоянии 300 000 миль друг от друга!"

Под этой записью было нацарапано:

"Может ли это иметь какое-то отношение к наводнению Космо Версаля?"

Имело ли это какое-то отношение к наводнению или нет, во всяком случае, общественность верила, что имело. Люди ходили со страхом, написанным на их лицах.

Двойные тени произвели удивительный эффект. Тысячи людей каждую ночь указывали на этот призрак и смотрели на него с суеверным ужасом. Тот факт, что в этом не было ничего по-настоящему мистического, не имел никакого значения. Даже те, кто хорошо знал, что это был неизбежный оптический результат разделения яркой кометы, были охвачены инстинктивным страхом, когда увидели эту раздвоенную тень, имитирующую каждое их движение. Ничто так не расстраивает ум, как внезапное изменение внешнего вида знакомых вещей.

Теперь настала очередь астрономов. Те, кто был абсолютно недоверчив к предсказанию Космо и искренне желал развеять тревогу населения, выступили с заявлениями, в которых с неискренностью, которая, возможно, была непреднамеренной, пытались увести его аргументы в сторону.

Профессор Пладдер выступил с заявлением, в котором заявил, что "абсурдные измышления современного Нострадамуса из Нью-Йорка" теперь продемонстрировали свою собственную пустоту.

"Комета, – сказал профессор Пладдер с обнадеживающей серьезностью, – не может затопить землю. Он состоит из редких газов, которые, как показал опыт с кометой Галлея много лет назад, не способны проникнуть в атмосферу даже при фактическом столкновении. В этом случае не может быть даже столкновения – комета сейчас удаляется. Ее разделение не является беспрецедентным явлением, поскольку многие предыдущие кометы сталкивались с подобными инцидентами. Эта комета оказалась необычного размера, и произошло разделение ядра когда это было относительно недалеко – отсюда и наблюдения поразительных эффектов. Здесь нечего бояться".

Следует отметить, что профессор Пладдер полностью уклонился от реальной проблемы. Космо Версаль никогда не говорил, что комета затопит землю. На самом деле, он был так же удивлен ее появлением, как и все остальные. Но когда он прочитал заявление профессора

Пладдера, за которым последовали другие заявления такого же значения, он с удвоенной силой взялся за дубинку. По всему миру, переведенный на дюжину языков, он распространил свой ответ, и эффект был поразительным.

"Мои сограждане мира во всех странах и представители всех рас, – начал он, – вы лицом к лицу столкнулись с разрушением! И все же, в то время как его вестники ясно сигнализируют с неба и сотрясают землю молниями, чтобы пробудить ее, слепые лидеры слепых пытаются обмануть вас!

Они бросают вызов самой науке!

Они говорят, что комета не может коснуться земли. Это правда. Она улетит. Я сам не предвидел ее прихода. Она появилась случайно, но каждый шаг, который она сделала в безмолвных глубинах космоса, был провозглашением присутствия туманности, которая является реальным источником гибели мира!

Откуда эта зловещая краснота, покрывающая небеса? Вы все ее заметили. Откуда эта ослепительная яркость, которую продемонстрировала комета, превосходящая все, что когда-либо видели у таких небесных тел. Объяснение простое: комета питалась веществом туманности, что пока встречается редко, потому что мы столкнулись только с некоторыми из ее внешних спиралей.

Но туманность надвигается со страшной скоростью. Через несколько коротких месяцев мы погрузимся в ее ужасный центр, и тогда океаны поднимутся до горных вершин, а континенты станут дном бушующих морей.

Когда начнется потоп, будет слишком поздно спасать самих себя. Вы уже потеряли слишком много драгоценного времени. Я торжественно заявляю вам, что даже один из миллиона сейчас не сможет быть спасен. Отбросьте все другие соображения и попытайтесь, отчаянно попытайтесь быть в маленькой компании тех, кто спасается!

Помните, что ваш единственный шанс – построить ковчеги – ковчеги из левиума, металла, который плавает. Я отправил планы для таких ковчегов. Они могут быть любого размера, но чем больше, тем лучше. В мой собственный ковчег я могу взять только избранное число, и когда список будет составлен, ни одна душа не будет допущена на борт.

Я подтвердил все свои факты математическими доказательствами. Самые опытные математики мира не смогли обнаружить ни одной ошибки в моих расчетах. Они пытаются оспорить данные, но данные уже представлены вам для вашего собственного суждения. Небеса настолько затемнены, что теперь видны только самые яркие звезды (это был факт, который вызвал недоумение в обсерваториях). Недавняя вспышка штормов и наводнений была вторым признаком приближающегося конца, и третье знамение не заставит себя долго ждать – и после этого потоп!"

Бесполезно пытаться описать невообразимый страх и ужас, охватившие миллионы людей, прочитавших эти слова. Бизнес был парализован, поскольку люди не могли сосредоточиться на обычных ежедневных делах. Каждую ночь кометы-близнецы, все еще очень яркие, хотя и быстро удаляющиеся, размахивали в небе своими огненными ятаганами – теперь это было еще более пугающе для воображения, поскольку Космо Версаль заявил, что именно туманность стимулировала их энергию. И днем за небом следили тревожными глазами, пытаясь обнаружить признаки углубления угрожающего оттенка, который, по возбужденному воображению, предполагал оттенок крови.

Теперь, наконец, предупреждения и мольбы Космо принесли практические плоды. Люди начали расспрашивать о местах в его ковчеге и готовиться к строительству собственных ковчегов.

Ему никто не мешал после его памятной беседы с президентом Соединенных Штатов, и он с удвоенной энергией продвигал свою работу в Минеоле, нанимая ночные бригады рабочих, чтобы прогресс был непрерывным в течение двадцати четырех часов.

Стоя на своей платформе, ковчег, корпус которого приближался к завершению, поднялся в воздух на сто футов. Его длина составляла 800 футов, а ширина – 250 футов, что вызывало насмешки у практичных кораблестроителей, но Космо, столь же оригинальный в этом, как и во всем остальном, заявил, что, принимая во внимание плавучесть левиума, никакая другая форма не подойдет так хорошо. Он подсчитал, что, когда его мощные двигатели будут на месте, огромные запасы материала для производства энергии, балласт и запасы продовольствия будут погружены, а груз людей и животных будет взят на борт, он осядет не более чем на двадцати футов.

Не проходило и дня, чтобы кто-нибудь не приходил к Космо, чтобы узнать о лучшем методе строительства ковчегов. Он предоставил требуемую информацию во всех возможных деталях и с предельной готовностью. Он рисовал планы и эскизы, вносил всевозможные практические предложения и никогда не упускал случая поторопить. Он внушал каждому посетителю одновременно тревогу и решимость немедленно приступить к работе.

Некоторые действительно принялись за работу. Но их продвижение было медленным, и по мере того, как проходили дни, и кометы постепенно исчезали из виду, а затем небесный купол начал проявлять тенденцию к восстановлению своей естественной голубизны, энтузиазм подражателей Космо ослабевал вместе с их уверенностью в его пророческой силе.

Они пришли к выводу, что стоит отложить свои работы до тех пор, пока потребность в ковчеге не станет более очевидной.

Что касается тех, кто посылал запросы о местах в ковчеге Космо, то теперь, когда опасность, казалось, отступила, они даже не потрудились ответить на очень любезные ответы, которые он сделал.

Удивительно, что ни один из этих встревоженных вопрошающих, похоже, не обратил особого внимания на очень важное предложение в своем ответе. Если бы они немного поразмыслили об этом, это, вероятно, заставило бы их задуматься, хотя они, возможно, были бы скорее озадачены, чем научены. Предложение звучало следующим образом:

"Заверяя вас, что мой ковчег был построен на благо моих братьев, я обязан сказать вам, что я оставляю за собой абсолютное право определять, кто действительно является представителем *homo sapiens*".

Дело в том, что Космо прокручивал в уме великий фундаментальный вопрос, который он задал себе, когда идея попытаться спасти человеческую расу от уничтожения впервые пришла ему в голову, и, по-видимому, он остановился на определенных принципах, которыми ему предстояло руководствоваться.

Поскольку, когда разум находится в большом напряжении из-за страха, малейшее расслабление, вызванное внешне благоприятной переменной, вызывает возрождение надежды, столь же безрассудной, как и предшествующий ужас, поэтому в этом случае исчезновение комет и исчезновение тревожного цвета неба оказали чудесный эффект в восстановлении общественного доверия к упорядоченному течению природы.

Популярность Космо Версаля как пророка катастрофы вскоре прошла, и все снова начали смеяться над ним. Люди снова вернулись к своим забытым делам с общим мнением, что они "предполагали, что миру удастся выкрутиться".

Те, кто начал подготовку к строительству ковчегов, выглядели очень смущенными, когда их друзья говорили им об их детской доверчивости.

Затем возникло чувство злого негодования, и однажды Космо Версаля окружила толпа на улице, и беспризорники забросали его камнями.

Люди забыли необычайную бурю с молниями и дождем, расколотую комету и все другие обстоятельства, которые незадолго до этого повергли их в ужас.

Но они совершали ужасную ошибку!

С завязанными глазами они шли прямо в пасть погибели.

Без предупреждения и так же внезапно, как взрыв, появился третий знак, а за ним последовало настоящее Царство Террора!

Глава V. ТРЕТЬЕ ЗНАМЕНИЕ

Посреди ночи в Нью-Йорке сотни тысяч людей одновременно проснулись с ощущением удущья.

Они мучительно вдыхали, как будто их внезапно погрузили в паровую баню.

Воздух был горячим, тяжелым и ужасно гнетущим.

Распахнутые окна не принесли облегчения. Снаружи было так же душно, как и внутри.

Было так темно, что, выглянув наружу, человек не мог разглядеть собственного крыльца. Дуговые фонари на улице мерцали тусклым голубым светом, который не давал никакого освещения вокруг.

Освещение в домах, когда его включали, выглядело как крошечные свечи, заключенные в толстые синие шары.

Испуганные мужчины и женщины, спотыкаясь, бродили во мраке своих комнат, пытаясь одеться.

Крики и восклицания разносились из комнаты в комнату, дети плакали, матери в истерике дико бегали туда-сюда, ища своих малышек. Многие падали в обморок, частично от ужаса, частично от затрудненного дыхания. Больные, охваченные ужасным стеснением в груди, задыхались и не могли подняться со своих постелей.

У каждого окна и в каждом дверном проеме, по всему огромному городу, толпились едва видимые силуэты и фигуры, сообщавшие о своем присутствии голосами – растерянные домохозяйства, пытавшиеся взглянуть сквозь странную темноту и выяснить причину этих ужасающих явлений.

Некоторым удалось мельком взглянуть на свои часы, поднеся их поближе к лампам, и таким образом засечь время. Было два часа ночи.

Соседи, невидимые, зывали друг к другу, но ответы их мало утешали.

"Что это? Во имя Бога, что случилось?"

"Я не знаю. Я едва могу дышать".

"Это ужасно! Мы все задохнемся".

"Это пожар?"

"Нет! Нет! Это не может быть пожаром".

"Воздух полон пара. Стены и оконные рамы пропитаны влагой".

"Великие небеса, как же душно!"

Тогда в тысячах умов одновременно возникла мысль о потопе!

Воспоминание о неоднократных предупреждениях Космо Версаль вернулось с ошеломляющей силой. Должно быть, это третье знамение, которое он предсказал. Оно действительно пришло!

Эти роковые слова – "потоп" и "Космо Версаль" – передавались из уст в уста, и сердца тех, кто говорил, и тех, кто слышал, налились свинцом.

Если бы был смелый человек, более уверенный в своих способностях описать, чем нынешний автор, который попытался бы представить вид Нью-Йорка в ту страшную ночь.

Задыхающиеся и охваченные ужасом миллионы людей ждали и жаждали часа восхода солнца, надеясь, что тогда стигийская тьма рассеется, и люди смогут, по крайней мере, увидеть, куда идти и что делать. Многие, подавленные почти непригодным для дыхания воздухом, в отчаянии сдались и больше даже не надеялись на наступление утра.

В разгар всего этого произошло столкновение прямо над Центральным парком между двумя аэроэкспрессами, один из которых следовал из Бостона, а другой из Олбани. (Использование небольших самолетов в черте города в течение некоторого времени было запрещено из-за постоянной опасности столкновений, но рейсам дальнего следования было разрешено

входить в столичный район, совершая посадку и вылет на специально построенных башнях.) Эти двое, переполненные пассажирами, как оказалось впоследствии, полностью потеряли свои пеленги, самые сильные электрические огни были невидимы на расстоянии нескольких сотен футов, в то время как беспроводные сигналы сбивали с толку, и, прежде чем была замечена опасность, они столкнулись друг с другом

Столкновение произошло на высоте тысячи футов, со стороны парка на Пятой авеню. У обоих дирижаблей были разбиты каркасы, смяты палубы, а несчастные экипажи и пассажиры были выброшены сквозь непроницаемую тьму на землю.

Только четыре или пять человек, которым посчастливилось запутаться в более легких частях обломков, спаслись. Но они были слишком сильно ранены, чтобы подняться на ноги, и так и остались лежать, их страдания увеличились в десять раз удушливым воздухом и ужасом их необъяснимого положения, пока их не нашли и не оказали медицинскую помощь, более чем через десять часов после их падения.

Шум столкновения был слышен на Пятой авеню, и его значение было понято, но среди всеобщего ужаса никто не подумал о том, чтобы попытаться помочь жертвам. Все были поглощены размышлениями о том, что станет с ним самим.

Когда приблизился долгожданный час восхода солнца, наблюдатели были потрясены отсутствием даже малейших признаков повторного появления дневного светила. Плотный покров тьмы не рассеивался, и великий город казался вымершим.

Впервые в своей истории он не смог пробудиться после своего обычного периода покоя и издать свои мириады голосов. Его нельзя было увидеть; его нельзя было услышать; он не подал никакого знака. Что касается каких-либо внешних признаков его существования, могущественная столица перестала существовать.

Именно эта жуткая тишина улиц и всего внешнего мира пугала людей, запертых в своих домах и комнатах, окруженных стенами тьмы, больше, чем любое другое обстоятельство; это давало такое ошеломляющее ощущение вселенского бедствия, чем бы оно ни было. За исключением тех случаев, когда были слышны голоса соседей, человек не мог быть уверен, что все население, кроме его собственной семьи, не погибло.

По мере того, как проходили часы, а свет все не появлялся, проявилось еще одно пугающее обстоятельство. С самого начала все заметили чрезмерную влажность плотного воздуха. Каждый твердый предмет, с которым в темноте соприкасались руки, был влажным, как будто на нем сгустился плотный туман. Это перенасыщение воздуха (основная причина затрудненного дыхания) привело к результату, который можно было бы быстро предвидеть, если бы люди могли использовать свои глаза, но который, приближаясь невидимым, вызвал панический страх, когда, наконец, его присутствие явно проявилось.

Влага скапливалась на всех открытых поверхностях – на крышах, стенах, тротуарах, – пока ее количество не стало достаточным для образования маленьких ручейков, которые устремлялись к водосточным желобам и там набирали силу и объем. Вскоре потоки стали достаточно большими, чтобы создавать шум текущей воды, который привлек внимание встревоженных наблюдателей у открытых окон. Затем поднялись крики ужаса. Если бы вода была видна, это не было бы так ужасно.

Но для перенапряженного воображения бульканье и плеск, доносившийся из темноты, был усилен до стремительного потока. Казалось, с каждым мгновением он становился все громче. То, что было всего лишь шорохом в барабанной перепонке, стало ревом в возбужденных клетках мозга.

Еще раз прозвучали зловещие слова: "Потоп!"

Они распространяются из комнаты в комнату и из дома в дом. Дикие сцены, которые сопровождали первое пробуждение, были цветочками по сравнению с тем, что происходило сейчас. Самообладание, разум – все уступило место панике.

Если бы они только могли видеть, что они творят!

Но тогда бы они не говорили об этом. Тогда бы они не отвергнули разум.

Темнота – это микроскоп воображения, и он увеличивает в миллион раз!

Некоторые робко спустились по ступенькам своих домов и, почувствовав поток воды в канаве, отпрянули с криками ужаса, как будто они соскользнули с берега разлившейся реки. Когда они отступали, они думали, что вода поднимается за ними по пятам!

Другие пробрались на крыши, убежденные, что наводнение уже затопило подвалы и нижние этажи их жилищ.

Женщины заламывали руки и причитали, дети плакали, а мужчины толкались, спотыкались и кричали, и сделали бы что-нибудь, если бы только знали, что делать. Вот в чем была жалость! Это было так, как если бы мир был поражен слепотой, а затем прозвучала труба архангела, вопиющего:

"Лети! Лети! Ибо Мститель следует за тобой по пятам!"

Как они могли летать?

Это ужасное напряжение не могло продолжаться долго. Не понадобился бы потоп, чтобы покончить с Нью-Йорком, если бы эта сводящая с ума пелена тьмы оставалась непроницаемой еще несколько часов. Но как раз в тот момент, когда тысячи людей отчаялись, произошли быстрые перемены.

В полдень над головой внезапно вспыхнул свет. Начавшись в круглом пятне, окруженном радужным ореолом, он быстро распространялся, казалось, таял, пробиваясь сквозь густую темную массу, заполонившую воздух, и менее чем через пятнадцать минут Нью-Йорк и все его окрестности оказались в золотом свете полудня.

Люди, которые ожидали в любой момент почувствовать, как вода безжалостно поднимается вокруг них, выглянули из своих окон и были поражены, увидев только крошечные ручейки, которые уже исчезали из виду в сточных канавах. Через несколько минут не осталось и следа воды, хотя сырость на стенах и дорожках показала, насколько велика была влажность воздуха.

В то же время давление на легкие стабилизировалось, и все снова вздохнули свободно, и с каждым вдохом к ним возвращалось мужество.

Казалось, весь огромный город испустил вздох облегчения.

И тогда его голос был услышан, как никогда не был услышан прежде, с каждым мгновением становясь все выше и громче. Это был первый раз, когда утро наступило в полдень.

Улицы с волшебной быстротой заполнились сотнями тысяч людей, которые болтали, и кричали, и смеялись, и пожимали друг другу руки, и задавали вопросы, и рассказывали о пережитом ими, и спрашивали, слышал ли кто-нибудь когда-нибудь о подобном раньше, и задавались вопросом, что бы это могло быть и вернется ли снова.

Телефоны всех видов были постоянно заняты. Женщины звонили своим подругам и истерически разговаривали, мужчины звонили своим коллегам и партнерам и пытались поговорить о делах.

Был ажиотаж вокруг надземки, метро, уличных автомобилей. Большие транспортные артерии оказались забитыми, и шум становился все громче и громче.

Запоздалые аэроэкспрессы прибыли к башням с Востока и Запада, и их пассажиры поспешили вниз, чтобы присоединиться к возбужденной толпе внизу.

За невероятно короткое время мальчишки-газетчики вышли с новостями. Затем все с величайшей жадностью прочитали то, что уже знали.

Но не прошло и нескольких часов, как появились настоящие новости, поступившие по радио, а также по подводному телефону и телеграфу, рассказывающие о том, как весь мир был охвачен колдовским покровом тьмы.

В Европу он пришел в утренние часы; в Азии во второй половине дня.

Явления в разных местах были разными. В некоторых местах темнота не была полной, но везде она сопровождалась чрезвычайной влажностью, а иногда и кратковременными, но проливными дождями. Ужас был всеобщим, и все верили, что это было третье знамение, предсказанное Космо Версальем.

Конечно, у последнего взяли интервью, и он выдал характерный манифест.

"Одна из внешних спиралей туманности ударила в землю", – сказал он. "Но не обманывайтесь. Это ничто по сравнению с тем, что грядет. И это последнее предупреждение которое будет дано! Вы упрямо закрывали глаза на правду, и вы выбросили свои жизни на ветер!"

Это, вместе с недавним ужасным опытом, произвело большой эффект. Те, кто начал закладывать фундамент для ковчегов, подумывали о возобновлении работ. Те, кто раньше искал места у Космо, звонили ему по телефону. Но ответил только голос Джозефа Смита, и его слова не были обнадеживающими.

– Мистер Версаль, – сказал он, – поручает мне сказать, что в настоящее время он не будет выделять места. Он обдумывает, кого он возьмет.

Получатели этого ответа выглядели очень озадаченными. Но по крайней мере один из них, известный брокер с Уолл-стрит, был скорее возмущен, чем напуган:

– Пусть идет ко всем чертям! – зарычал он, – И он и его потоп вместе!

Затем он решительно отправился на бычий рынок.

Кажется невероятным, но такова человеческая природа, что несколько дней яркого солнечного света снова разогнали тучи страха, которые так плотно окутали общественное сознание. Конечно, не все забыли ужасы третьего знамения, они нанесли слишком сильный удар, но постепенно напряжение ослабло, и люди в целом приняли обновленные заверения ученых более смелого вида, что ничто из произошедшего не было необъяснимо обычными законами природы. Они утверждали, что великая тьма отличалась от предыдущих явлений подобного рода только степенью, и ее нельзя было приписать ничему более серьезному, чем атмосферным капризам, таким как тот, который вызвал исторический Темный день в Новой Англии в 1780 году.

Но более нервные люди заметили, с определенными опасениями, что Космо Версаль продолжал свои работы, по возможности еще более энергично, чем раньше. И вновь вспыхнул интерес, когда однажды появилось объявление о том, что ковчег готов. Затем тысячи людей поспешили в Минеолу, чтобы посмотреть на завершённую работу.

Необычайная массивность ковчега впечатляла. Зловеще возвышаясь на своей платформе, которая была устроена так, чтобы, когда придут воды, они должны были поднять сооружение из колыбели и поставить его на плаву без какого-либо другого спуска на воду, оно само по себе казалось пророчеством надвигающейся катастрофы.

По верху он был покрыт продолговатым куполом из левия, сквозь который поднимались четыре большие металлические трубы, расположенные над мощными двигателями. Крыша скошена до вертикальных бортов, чтобы обеспечить защиту от набегающих волн. Ряды иллюминаторов, покрытых толстым прочным стеклом, указывали на расположение наложенных друг на друга палуб. С каждой стороны четыре прохода давали доступ во внутренние помещения, а длинные наклонные трапы обеспечивали доступ с земли.

У Космо был отряд обученных охранников, но всем желающим было разрешено войти и осмотреть ковчег. Любопытные толпы постоянно поднимались и спускались по длинным проходам, подгоняемые охраной.

Внутри они бродили, пораженные увиденным.

Три нижние палубы были отведены для хранения продовольствия и топлива для электрогенераторов, которые Космо Версаль накапливал в течение нескольких месяцев.

Над ними были две палубы, которые, как сообщили посетителям, будут заняты животными, а также ящиками с семенами и подготовленными корнями растений, с помощью кото-

рых предполагалось восстановить растительную жизнь планеты после того, как вода достаточно отступит.

Пять оставшихся палуб предназначались для людей. Там были просторные каюты для капитана и его офицеров, другие для экипажа, несколько больших салонов и пятьсот комплектов помещений различных размеров, которые должны были быть заняты пассажирами, которых Космо должен был выбрать для сопровождения. У них были все удобства самых роскошных кают трансокеанских лайнеров. Посетители обменялись множеством шуточных замечаний, когда осматривали эти комнаты.

Космо бегал среди своих гостей, все объясняя, демонстрируя огромную гордость за свою работу, указывая на тысячи деталей, в которых проявилась его предусмотрительность, но, ко всеобщему удивлению, он больше не произносил предупреждений и не обращался с призывами. Напротив, как заметили некоторые наблюдательные люди, он, казалось, избегал любых упоминаний о судьбе тех, кого не будет включен в команду его корабля.

Некоторые чувствительные души были встревожены, заметив в его глазах чувство, которое, казалось, выражало глубокую жалость и сожаление. Время от времени он отстранялся и смотрел на проходящие толпы с сострадательным выражением лица, а затем, медленно поворачиваясь спиной, в то время как его пальцы нервно двигались, исчезал, опустив голову, в своей отдельной комнате.

Сравнительно немногие, кто особенно обратил внимание на такое поведение Космо, были глубоко тронуты – больше, чем все загадочные события последних месяцев. Один человек, Амос Бланк, богатый фабрикант, печально известный своими безжалостными методами устранения более слабых конкурентов, был настолько обеспокоен изменением поведения Космо Версаля, что искал возможности поговорить с ним наедине. Космо принял его с неохотой, что он не мог не заметить, и которая каким-то образом усилила его беспокойство.

– Я... я... подумал, – нерешительно сказал миллиардер, – что я должен... то есть, что я мог бы, возможно, поинтересоваться... мог бы узнать, при каких условиях можно, предполагая, что возникнет необходимость, получить проход в ваш... в ваш ковчег. Конечно, вопрос стоимости не имеет значения.

Космо холодно посмотрел на мужчину, и все сострадание, которое недавно смягчило его стальные глаза, исчезло. На мгновение он замолчал. Затем он сказал, взвешивая слова и говоря с таким акцентом, что сердце слушателя похолодело:

– Мистер Бланк, необходимость уже возникла.

– Так вы говорите... так вы говорите... – начал мистер Бланк.

– Так я и говорю, – сурово перебил Космо, – и я говорю далее, что этот ковчег был построен для спасения тех, кто достоин спасения, для того, чтобы все хорошее и достойное восхищения в человечестве не исчезло с лица Земли.

– Совершенно верно, совершенно верно, – ответил делегата, улыбаясь и потирая руки. – Вы совершенно правы, делая правильный выбор. Если ваш потоп приведет к всеобщему уничтожению человечества, конечно, вы обязаны выбрать лучших, самых продвинутых, тех, кто выдвинулся вперед, тех, у кого есть средства, тех, у кого самые сильные ресурсы. Массы, которые не обладают ни одним из этих качеств и требований...

Космо Версаль снова прервал его, более холодно, чем раньше:

– Быть пассажиром в этом ковчеге ничего не стоит. Десять миллионов долларов, сто миллионов, не купили бы места в нем! Вы когда-нибудь слышали притчу о верблюде и игольном ушке? Цена билета здесь – безупречный послушной список!

С этими поразительными словами Космо повернулся спиной к своему посетителю и захлопнул дверь перед его носом.

Миллиардер отшатнулся, потер голову, а затем ушел, бормоча:

"Идиот! Просто идиот! Потопа не будет".

Глава VI. ВЫБОР ЛУЧШИХ ИЗ ЛУЧШИХ

Через день или два, в течение которых ковчег оставался открытым для осмотра, и его посетили многие тысячи людей, Космо Версаль объявил, что больше посетителей пускать не будут. Он поставил часовых у всех входов и начал строительство неглубокого рва, полностью окружающего территорию. Любопытство общественности было сильно возбуждено этим необычным событием, особенно когда стало известно, что рабочие натягивали медную проволоку по всей длине канавы.

"Что, черт возьми, он задумал на этот раз?" – был вопрос у всех на устах.

Но Космо и его сотрудники давали уклончивые ответы на все запросы. В отношении Космо к публике произошли большие перемены. Никого больше не приглашали наблюдать за работами.

Когда все провода были проложены и канава была закончена, ее засыпали так, что получилась широкая стена с плоским верхом, окружающая поле.

В течение нескольких дней ходили слухи о назначении таинственной канавы и проводов внутри нее, но никакого всех удовлетворяющего объяснения найдено не было.

Один предприимчивый репортер разработал сложную схему, которую он приписал Космо Версалью, согласно которой канава с проволокой должна была служить аккумулятором электричества, который в нужный момент спустит ковчег на воду, избежав таким образом опасности смертельной задержки в случае, если наводнение произойдет слишком быстро.

На первый взгляд это казалось настолько абсурдным, что вызвало серьезные опасения, вновь пробудив сомнения в здравомыслии Космо, тем более что он не пытался опровергнуть утверждение о том, что это действительно был его план.

Никто не догадывался, каковы были его истинные намерения; если бы люди догадались, это могло бы плохо сказаться на их душевном спокойствии.

Следующий шаг Космо Версаля был предпринят без какого-либо ведома или догадок со стороны общественности. Теперь он обосновался в своих покоях в ковчеге, и его никогда не видели в городе.

Однажды вечером, когда все было тихо вокруг ковчега, поскольку ночная работа теперь была ненужной, Космо и Джозеф Смит сидели лицом друг к другу за квадратным столом, освещенным лампой с абажуром. Перед Смитом лежала стопка писчей бумаги, и он, очевидно, был готов делать подробные заметки.

Большое чело Космо задумчиво нахмурилось, и он подпер щеку рукой. Было ясно, что эти размышления доставляли ему беспокойство. По меньшей мере десять минут он не разжимал губ, и Смит с тревогой наблюдал за ним. Наконец он сказал, медленно выговаривая:

– Джозеф, это самая сложная проблема, которую мне приходилось решать. Успех всей моей работы зависит от того, не совершу ли я ошибку сейчас.

– Бремя ответственности, которое лежит на моих плечах, такое, какое никогда не нес ни один смертный. Оно слишком велико для человеческих возможностей – и все же, как я могу отбросить его?

– Я должен решить, кто будет спасен! Я, я один, я, Космо Версаль, держу в своих руках судьбу расы, насчитывающей две тысячи миллионов душ! Судьбу планеты, которая без моего вмешательства превратилась бы просто в огромную могилу. Мне решать, будет ли увековечен род homo и в какой форме он будет увековечен. Джозеф, это ужасно! Это функции божества, а не человека.

Джозеф Смит, казалось, больше не дышал, настолько напряженным было его внимание. Его глаза горели под темными бровями, а карандаш дрожал в пальцах. После небольшой паузы Космо Версаль продолжил:

– Если бы я испытывал хоть малейшее сомнение в том, что Провидение предназначило меня для выполнения этой работы и дало мне необычайные способности и необычайные знания, чтобы я мог ее выполнить, я бы в этот момент вышиб себе мозги.

Он снова замолчал, секретарь, после беспокойного движения, сгибания и разгибания бровей и нервного постукивания по столу, наконец, сказал торжественно:

– Космо, ты посвящен; ты должен выполнить работу.

– Я должен, – ответил Космо Версаль, – я знаю это; и все же чувство моей ответственности иногда накрывает меня облаком отчаяния. На днях, когда ковчег был переполнен любопытствующими, мысль о том, что ни один из всех этих десятков тысяч не сможет спастись, и что сотни миллионов других также должны быть потеряны, ошеломила меня. Затем я начал упрекать себя за то, что не стал более эффективным средством предупреждения моих товарищей об опасности. Джозеф, я потерпел ужасную неудачу. Я должен был убедить всех в своей правоте, но я этого не сделал.

– Это не твоя вина, Космо, – сказал Джозеф Смит, протягивая свою длинную руку, чтобы коснуться руки своего лидера. – Это неверующее поколение. Они отвергли даже знамения на небесах. Голос архангела не убедил бы их.

– Это правда, – ответил Космо. – И правда для меня еще более горькая, потому что я говорил от имени науки, а те самые люди, которые представляют науку, были моими самыми решительными противниками, ослепляя глаза людей, после того, как умышленно закрыли свои собственные.

– Вы говорите, что были слабы, – вмешался Смит, – чего на самом деле не было; но вы были бы слабы, если бы теперь уклонялись от своего простого долга.

– Верно! – воскликнул Космо изменившимся голосом. – Тогда давайте продолжим. На днях мне преподали урок. Амос Бланк пришел ко мне, гордый своими награбленными миллионами. Тогда я увидел, что я должен был сделать. Я прямо сказал ему, что он не был среди избранных. Передай мне вон ту книгу.

Секретарь подтолкнул большой том в пределы досягаемости Космо. Он открыл книгу. Это был "Ежегодник науки, политики, социологии, истории и государственного управления".

Космо пробежал глазами его страницы, останавливаясь, чтобы прочесть несколько строк тут и там, словно делая мысленные пометки. Через некоторое время он отложил книгу в сторону, задумчиво посмотрел на своего собеседника и начал:

– Проблема мира в том, что морально и физически он на протяжении тысячелетий становился все более и более испорченным. Цветок цивилизации, которым так хвастаются люди, склоняется над стоячими водами морального болота и черпает свою опасную красоту из ядовитых миазмов.

– Туманность, затопляя землю, дает возможность для нового рождения человечества. Ты должен помнить, Джозеф, что, как говорят, такие же условия существовали и во времена Ноя. Тогда не было науки, и мы не знаем точно, на каких принципах делался выбор тех, кто должен был спастись; но простая история Ноя показывает, что он и его семья представляли собой наивысшее мужество той ранней эпохи.

– Но семена развращенности не были уничтожены, и та же проблема повторяется и сегодня. Я должен определить, кого я буду спасать. Я штурмую этот вопрос, спрашивая, кто представляет лучшие элементы человечества? Давайте сначала рассмотрим людей по классам.

– А почему не по расам? – спросил Смит.

– Я не буду смотреть, черный человек, белый или желтый; является ли его череп брахицефальным или долихоцефальным, – ответил Космо. – Я загляну внутрь. Ни одна раса никогда не показывала себя постоянно лучшей.

– Тогда под классами вы подразумеваете сферу деятельности?

– Ну, да, потому что профессия показывает тенденцию, квинтэссенцию характера. Некоторые люди рождаются правителями и лидерами, другие рождаются последователями. И те и другие необходимы, и я должен иметь оба вида.

– Возможно, вы начнете с королей, президентов?

– Все нет. Я начну с людей науки. Они – истинные лидеры.

– Но они предали вас – они закрыли глаза и завязали глаза другим, – возразил Джозеф Смит, как бы в оправдание.

– Вы меня не понимаете, – сказал Космо с сочувственной улыбкой. – Если мои ученые собратья не видят так ясно, как я, то вина лежит не в науке, а в недостатке понимания. Тем не менее, они на правильном пути, в них заложена суть дела, они обучены правильному методу. Если бы я оставил их в стороне, возрожденный мир откатился бы на тысячу лет назад в развитии. Кроме того, многие из них не так слепы, у некоторых из них есть проблеск истины.

– Не такие люди, как Пладдер, – сказал Смит.

– Тем не менее, я собираюсь спасти Пладдера, – сказал Космо Версаль.

Джозеф Смит чуть не подпрыгнул от изумления.

– Вы... собираетесь... спасти... Пладдера, – запинаясь, произнес он. – Но он хуже всех.

– Не с моей нынешней точки зрения. У Пладдера хороший ум, он умеет обращаться с инструментами, он интеллектуально честен; в прошлом он сделал много для науки. И, кроме того, я не скрываю от вас того факта, что мне хотелось бы, чтобы он осудил сам себя.

– Но, – настаивал Смит, – я слышал, как вы говорили, что он был...

– Неважно, что вы слышали от меня, – нетерпеливо перебил Космо. – Я говорю сейчас, что он пойдет с нами. Поставьте его имя во главе списка.

Ошеломленный и бормочущий что-то себе под нос, Смит повинился.

– Я могу взять ровно тысячу человек, не считая экипажа, – продолжил Версаль, не обращая внимания на то, что его доверенное лицо неоднократно качало головой. – Боже мой, подумать только! Одна тысяча из двух тысяч миллионов! Но пусть будет так. Никто не стал меня слушать, а теперь уже слишком поздно. Я должен зафиксировать количество для каждого класса.

– Есть одна вещь, один любопытный вопрос – который приходит мне в голову, – нерешительно вставил Смит. – А как насчет семей?

– Вот ты и попал в точку, – воскликнул Космо. – Это именно то, что меня беспокоит. Женщин должно быть столько же, сколько мужчин, это само собой разумеется. Кроме того, самый сильный моральный элемент находится в женщинах, хотя они не имеют большого значения для науки. Но пожилые люди и дети – вот в чем трудность. Если я приглашу человека, обладающего неоспоримыми качествами, но имеющего большую семью, что мне делать? Я не могу вытеснить других, таких же нужных, как он, ради того, чтобы нести все его пожитки. Принципы евгеники требуют широкого поля отбора.

Космо Версаль закрыл глаза, положил свою большую голову на руки и поставил локти на стол. Вскоре он поднял глаза с решительным видом.

– Я вижу, что я должен сделать, – сказал он. – Я могу взять только четырех человек, принадлежащих к какой-либо одной семье. Двое из них могут быть детьми, мужчина, его жена и двое детей – не больше.

– Но это будет очень тяжело для них... – начал Джозеф Смит.

– Жесткая позиция! – вмешался Космо. – Ты думаешь, это легкое решение для меня? Боже мой, человек! Я вынужден принять это решение. У меня разрывается сердце, когда я думаю об этом, но я не могу избежать ответственности.

Смит опустил глаза, и Космо вернулся к своим размышлениям. Через некоторое время он снова заговорил:

– Еще одна вещь, которую я должен внести – это ограничение по возрасту. Но это должно быть предметом определенных исключений. Очень пожилые люди, как правило, не годятся – они не смогли бы пережить долгое путешествие, и только в редких случаях, когда их жизненный опыт может оказаться ценным, они послужат какой-либо благой цели в восстановлении расы. Дети незаменимы, но они не должны быть слишком маленькими – грудные дети на руках совсем не годятся. О, это жалкий труд! Но я должен ожесточить свое сердце.

Джозеф Смит посмотрел на своего шефа и почувствовал укол сочувствия, смешанный с восхищением, поскольку он ясно видел ужасную борьбу в душе своего друга и оценил героический характер решения, к которому его подтолкнула неумолимая логика фактов.

Космо Версаль снова надолго замолчал. Наконец, он, казалось, отбросил своих демонов и, вернув свою обычную решительность, воскликнул:

– Хватит. Я установил общий принцип. Теперь к выбору.

Затем, закрыв глаза, словно для того, чтобы помочь своей памяти, он пробежался по списку имен, хорошо известных в мире науки, и Смит выстроил их в длинный ряд под именем "Абиэль Пладдер", с которого он начал.

Наконец Космо Версаль прекратил диктовку.

– Вот, – сказал он, – это конец данной категории. Я могу добавить к нему или вычеркнуть из него позже. По вероятности, с учетом бакалавров, каждое направление будет представлено тремя человеками; всего семьдесят пять имен, что означает двести двадцать пять мест, зарезервированных для науки. Теперь я создам серию других категорий и назначу количество мест для каждой.

Он схватил лист бумаги и принялся за работу, а Смит наблюдал, барабая пальцами и хмуря свои огромные черные брови. В течение получаса царил полная тишина, нарушаемая только звуком скользящего карандаша Космо Версаля, иногда подчеркиваемый мягким стуком. По истечении этого времени он бросил карандаш и протянул бумагу своему спутнику.

– Конечно, – сказал он, – это не полный список человеческих занятий. Я изложил основные из них по мере того, как они приходили мне в голову. У нас будет время исправить любую оплошность. Прочтите это.

Смит, по привычке, прочитал его вслух:

Занятость	Количество имен	Вероятное количество мест
Наука (уже назначена)	75	225
Правители	15	45
Государственные деятели	10	30
<u>Бизнес-магнаты</u>	10	30
Филантропы	5	15
Художники	15	45
Религиозные Учителя	20	60
Школьные учителя	20	60
Врачи	30	90
Юристы	1	3
Писатели	6	18
Редакторы	2	6
Актеры	14	42
Философы	1	3
Музыканты	12	36
Гении-теоретики	3	9
"Общество"	0	0
Сельское хозяйство и механика	90	270
Итого	329	987
Особые оговорки		13
В целом, места		1000

Несколько раз, пока Джозеф Смит читал, он поднимал брови, как бы в удивлении или мысленном протесте, но ничего не говорил.

– Теперь, – продолжил Космо, когда секретарь закончил, – давайте начнем с правителей. Я не знаю их так близко, как знаю людей науки, но я уверен, что выделил им достаточно места. Предположим, ты возьмешь эту книгу и позовешь их ко мне.

Смит открыл "ежегодник" и начал:

– Джордж Вашингтон Самсон, президент Соединенных Штатов.

– Он подходит. Он не блистателен интеллектуально, но обладает здравым смыслом и хорошими моральными устоями. Я спасу его хотя бы по той простой причине, что он наложил вето на законопроект о захвате Антарктического континента.

– Шен Су, Сын Неба, президент-император Китая.

– Запиши его. Он мне нравится. Он истинный конфуцианец.

Джозеф Смит зачитал еще несколько имен, на что Космо покачал головой. Затем он перешел к:

– Ричард Эдвард, милостью Божьей, король Великого...

– Хватит, – перебил Космо, – мы все его знаем – человека, который сделал для мира больше, выведя из строя половину британского флота, чем любой другой правитель в истории. Я не могу оставить его в стороне.

– Ахилл Дюмон, президент Французской республики.

– Я возьму его.

– Вильгельм IV, германский император.

– Допущен, потому что он, наконец, вывел микроб войны из семейной крови.

Затем последовал ряд правителей, которым не посчастливилось получить одобрение Космо Версаля, и когда Смит прочитал:

– Александр V, император всея Руси, – большая голова сильно сотряслась, и ее владелец воскликнул:

– В ковчеге будет много русских, ибо тирания была подобна очищению для этого народа, но я не поведу ни одного из рода Романовых в мой новый мир.

Отбор продолжался до тех пор, пока не было получено пятнадцать имен, включая имя нового темнокожего президента Либерии, и Космо заявил, что не будет добавлять больше ни одного.

Затем пришли десять государственных деятелей, которые были выбраны с полным пренебрежением к расовым и национальным признакам.

Выбирая десятку бизнес-магнатов, Космо провозгласил свое правило:

– Я не исключаю ни одного человека просто потому, что он миллиардер. Я размышляю о том, как он зарабатывал свои деньги. В мире всегда должны быть богатые люди. Как бы я мог построить ковчег, если бы был беден?

– Филантропы, – прочитал Смит.

– Я бы взял сотню, если бы мог их найти, – сказал Космо. – Есть много кандидатов, но эти пять (назвал их) являются единственными подлинными, и я сомневаюсь в некоторых из них. Но я должен рискнуть, филантропия необходима.

Для пятнадцати представителей искусства Космо ограничил свой выбор в основном архитектурой.

– Строительный навык должен быть сохранен, – объяснил он. – Одна из первых вещей, которые нам понадобятся после того, как потоп отступит – это разнообразные всевозможные сооружения. Но в и лучшем случае это довольно плохая компания. Я попытаюсь изменить их идеи во время путешествия. Что касается других художников, то им тоже понадобятся некоторые идеи, которые я могу им дать и которые они смогут передать своим детям.

Под руководством религиозных учителей Космо отметил, что он пытался быть справедливым ко всем формам подлинной веры, у которых было много последователей. Школьные учителя представляли основные языки, и Космо выбрал имена из книги "Образовательные системы мира", отметив, что здесь он подвергается некоторому риску, но его нелегко избежать.

– Врачи – они получают довольно щедрое пособие, не так ли? – спросил Смит.

– Оно и вполнину не такое большое, как хотелось бы, – последовал ответ. – Врачи – соль земли. Мое сердце разрывается от того, что мне приходится оставлять без внимания так много людей, ценность которых я знаю.

– И только один адвокат! – продолжал Джозеф. – Это любопытно.

– Ни в малейшей степени не любопытно. Вы думаете, я хочу распространять семена судебных разбирательств в возрожденном мире? Запишите имя председателя Верховного суда Соединенных Штатов Гуда. Он увидит, что справедливость восторжествует.

– И только шесть писателей, – продолжил Смит.

– И это, вероятно, слишком много, – сказал Космо. – Запишите под этим заголовком Питера Инксона, которого я найму для записи последних сцен на тонущей земле; Джеймса Генри Блэквитта, который расскажет историю путешествия; Жюля Буржуа, который может описать персоналии пассажиров; Серджиуса Нарискоффа, который изучит их психологию; и Николао Людольфо, чье описание ковчеге станет бесценным историческим документом через тысячу лет.

– Но вы не включили ни одного поэта, – заметил Смит.

– В этом нет необходимости, – ответил Космо. – Каждый человек в глубине души поэт.
– И никаких романистов, – настаивал секретарь.
– Они вырастут гуще, чем сорняки, прежде чем вода спадет наполовину – по крайней мере, они появятся, если я впущу одного на борт ковчега.

– Редакторы – два?
– Это верно. И два, пожалуй, слишком много. Я возьму Джинкса из "Громовержца" и Вола из "Совы".

– Но оба они упорно называли тебя идиотом.
– По этой причине я хочу их. Ни один мир не смог бы обойтись без настоящих идиотов.
– Я несколько удивлен следующей записью, если вы позволите мне рассказать об этом, – сказал Джозеф Смит. – Здесь у вас есть сорок два места, зарезервированных для актеров.

– Это означает двадцать восемь взрослых и, вероятно, несколько подростков, которые смогут принять участие, – ответил Космо, потирая руки с довольной улыбкой. – Я взял столько актеров, сколько добросовестно мог, не только из-за их будущей ценности, но и потому, что они сделают больше, чем кто-либо другой, чтобы поддержать дух всех в ковчеге. Я прикажу установить сцену в самом большом салоне.

Джозеф Смит нахмурился, но промолчал. Затем, снова взглянув на бумагу, он заметил, что нужно позаботиться только об одном философе.

– Его легко назвать, – сказал Космо. – Kant Jacobi Leergeschwätz.

– Почему он?

– Потому что он будет безвредно представлять метафизический род, потому что никто никогда не поймет его.

– Двенадцать музыкантов?

– Выбраны по той же причине, что и артисты, – сказал Космо, быстро записывая двенадцать имен, потому что их было нелегко произнести, и передавая их Смиту, который должным образом их переписал.

Когда это было сделано, Космо сам назвал следующую категорию – "гении-теоретики".

– Я имею в виду под этим, – продолжил он, – не дельцов с Уолл-стрит, а предвидящих людей, которые обладают даром заглядывать в "семена времени", но которые никогда не будут услышаны в свое время, и вряд ли когда-нибудь вспомнят будущие века, которые наслаждаются плодами, ростки которых они предвидели.

Космо упомянул два имени, которых Джозеф Смит никогда не слышал, и сказал ему, что их следует написать золотыми чернилами.

– Они уникальны и одиноки в мире. Это самый ценный груз, который у меня будет на борту, – добавил он.

Смит пожал плечами и тупо уставился на бумагу, в то время как Космо погружился в задумчивость. Наконец секретарь сказал, улыбаясь на этот раз с явным одобрением:

– "Общество" ноль.

– Именно, ибо что представляет собой "общество", кроме его собственного тщеславия?

– А затем идет сельское хозяйство и механика.

Для этой категории Космо, казалось, был так же хорошо подготовлен, как и для категории науки. Он достал из кармана уже составленный список и протянул его Джозефу Смиту. В нем было сорок имен с пометкой "земледельцы, фермеры, садоводы" и пятьдесят "механики".

– В начале двадцатого века, – сказал он, – мне пришлось бы изменить эту пропорцию – фактически, весь мой список тогда был бы самым длинным, и я был бы вынужден отдать половину всех мест сельскому хозяйству. Но благодаря нашему научному земледелию, персонал, занятый в выращивании, теперь сокращен до минимума, показывая максимальные результаты. Я уже снабдил ковчег семенами новейших научно разработанных растений, а также всеми необходимыми сельскохозяйственными орудиями и машинами.

– Остается еще тринадцать мест, "специально зарезервированных", – сказал Смит, кивая на бумагу.

– Я заполню их позже, – ответил Космо, а затем добавил с задумчивым видом:

– У меня есть несколько скромных друзей.

– Следующее, – продолжил он после паузы, – это подготовить письма-приглашения. Но на сегодня мы сделали достаточно. Я дам вам форму писем завтра.

И все это происходило в то время, как половина мира мирно спала, а другая половина занималась своими делами, все больше и больше забывая о недавних событиях, и если бы они знали, чем занимались эти двое мужчин, они, вероятно, взорвались бы от смеха.

Глава VII. ВОДЫ НАЧИНАЮТ ПОДНИМАТЬСЯ

Космо Версаль начал строительство своего ковчега во второй половине июня. Был уже конец ноября. Ужасы третьего знамения произошли в сентябре. С тех пор небо почти вернуло свой обычный цвет, штормов не было, но летняя жара не ослабевала. Люди были озадачены отсутствием обычных признаков осени, хотя растительность пожухла из-за постоянной высокой температуры и постоянного солнечного света.

"Необычный год, – признали метеорологи, – но теплые осени случались и раньше, и это просто вопрос времени. Природа восстановит равновесие в свое время, и, вероятно, у нас будет суровая зима".

31 ноября медное небо над Нью-Йорком не предвещало никаких перемен, когда от Черчилля, Киватин, пришло следующее сообщение, которое большинство газет размножили на первой полосе и увенчали ошеломляющими заголовками:

За прошлую ночь уровень воды в Гудзоновом заливе поднялся на целых девять футов. Сегодня утром воцарился ужас, когда судовладельцы обнаружили, что их причалы затоплены, а суда натянули короткие причальные тросы. Ледокол "Виктория" был выброшен на песчаную отмель, по-видимому, под воздействием сильной волны, которая, должно быть, пришла с Востока. Есть и другие указания на то, что таинственный подъем начался из-за прилива с востока. Считается, что огромная масса айсбергов, появившихся в проливе Дэвиса из-за продолжительной жаркой погоды, приведшей к таянию прибрежных ледников, вызвала затор в устье Гудзонова пролива и внезапно повернуло полярное течение в залив. Но это только теория. Ожидается дальнейший рост уровня воды.

Какими бы ошеломляющими ни были эти новости, сами по себе они, возможно, не вызвали бы большого волнения в общественном сознании, если бы за ними через несколько часов не последовали сообщения об огромных наводнениях на Аляске и в бассейне реки Маккензи.

А на следующий день эфирограмма из Обдорска, граничившая с гротеском, наполнила ужасом многих чувствительных читателей.

Говорят, что в обширных тундровых районах Северной Сибири замерзшая почва превратилась в бездонную трясику, из глубин которой поднимаются доисторические мамонты, их длинная шерсть перепачкана грязью, а изогнутые бивни сверкают, как трубы, над полем их воскрешения. Депеша завершалась душераздирающим отчетом о гибели большого отряда охотников за слоновой костью, которые, забравшись слишком далеко от более твердой земли, внезапно обнаружили, что земля под их ногами превращается в черную жижу, и, несмотря на их борьбу, все они были поглощены в пределах видимости своих друзей, которые не осмеливались приблизиться к ним.

Космо Версаль в интервью спокойно заметил, что потоп начался на севере, потому что именно северная часть земного шара была ближайшей к сердцу туманности. Поскольку земля двигалась к северу, этот конец ее оси напоминал нос корабля.

– Но это, – добавил он, – не настоящий потоп. Ледяная шапка Арктики тает, и мерзлая почва превращается в губку из-за высокой температуры трения, возникающей в воздухе при

натиске туманной материи. Однако водяной пар еще не коснулся земли. Он начнет проявлять свое присутствие в течение нескольких дней, и тогда земной шар будет впитывать воду каждой порой. Пар, наконец, сконденсируется в падающие океаны воды.

– Что бы вы посоветовали людям делать? – спросил один из репортеров.

Ответ был дан совершенно ровным голосом, без изменения выражения лица:

– Совершить самоубийство! Они практически уже сделали это.

Прошло почти две недели, когда в средних широтах появились первые признаки изменения погоды. Они начались с быстрого заволакивания неба, за которым последовал мелкий, туманный, непрекращающийся дождь. Жара становилась все более невыносимой, но дождь не усиливался, и через несколько дней в течение нескольких часов подряд стояла ясная погода, во время которой будет светить солнце, хотя и болезненным, бледным светом.

За границей было много мистификации, и никто не чувствовал себя спокойно. И все же приступы ужаса, сопровождавшие прежние капризы стихий, не возобновились. Люди начали привыкать к этим катаклизмам.

В середине одного из периодов ясности в Минеоле произошла примечательная сцена.

Это было похоже на панораму седьмой главы книги Бытия.

Это было шествие зверей.

Космо Версаль пришел к выводу, что пришло время поместить его животных в ковчег. Он хотел приучить их к их каютам до начала путешествия. Получившееся зрелище наполнило подростковый мир неудержимой радостью и чрезвычайно заинтересовало более старших.

Ни одно шествие зверинца никогда не приближалось к такому зрелищу. Многие из зверей были такими, каких никто там никогда раньше не видел. Космо консультировался с экспертами, но, в конце концов, в своем выборе он руководствовался собственным суждением. Никто не знал так хорошо, как он, чего именно хотел Космо. Он разработал в своем уме план создания нового мира, который должен был появиться из вод, мира лучшего во всех отношениях, чем старый.

Вперемешку с такими знакомыми существами, как овцы, коровы, собаки и домашняя птица, были животные экзотические, о которых большинство зрителей только читали или видели фотографии, или, возможно, в нескольких случаях слышали описания в детстве от дедушек, давно спящих в своих могилах.

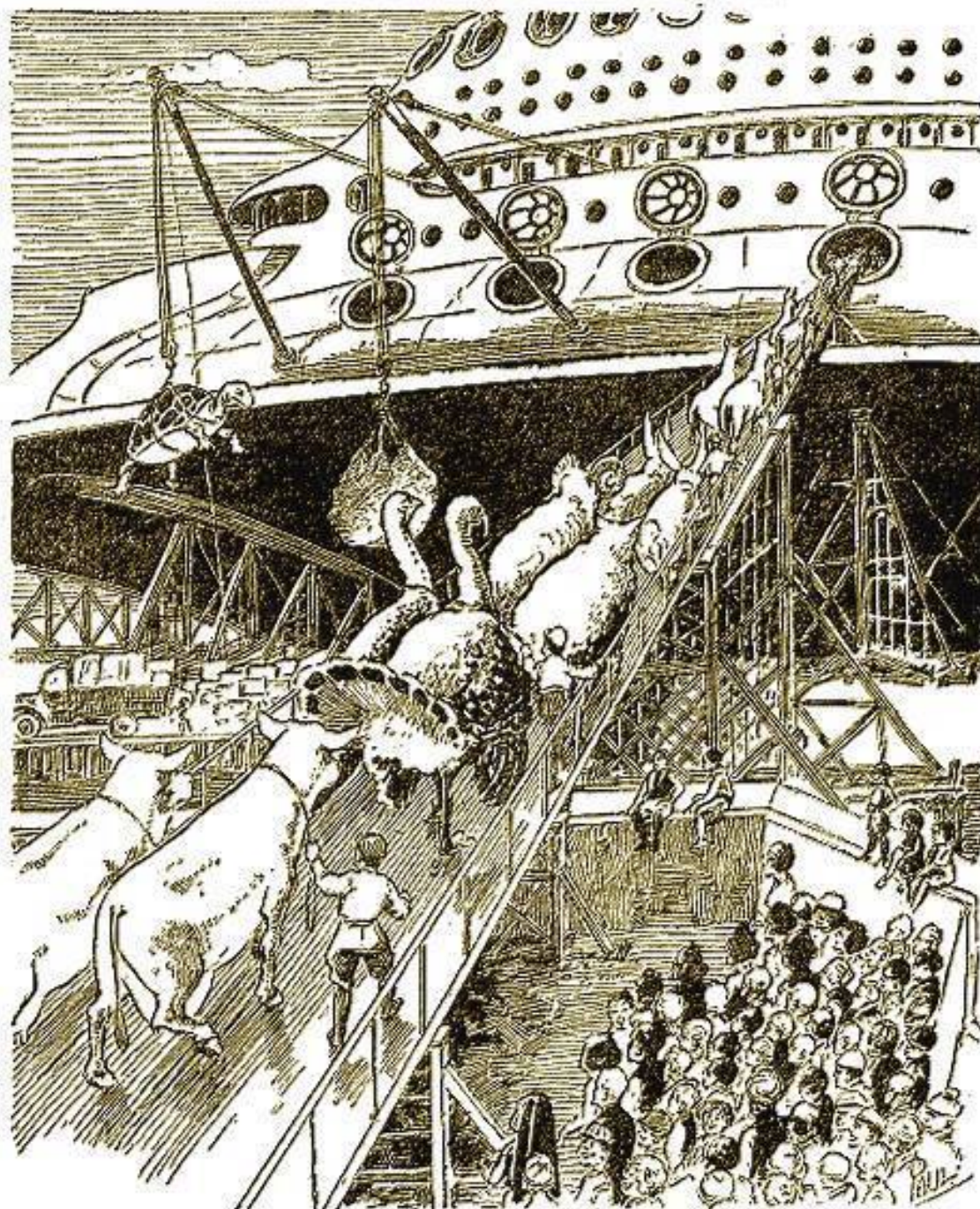
Космо быстро собрал их со всего мира, но поскольку они прибывали небольшими партиями и перевозились в закрытых фургонах, очень немногие люди имели представление о том, что он делал.

Наибольшую сенсацию произвели четыре прекрасных лошади, которые были куплены за огромную цену у английского герцога, который никогда бы с ними не расстался, ведь они были чуть ли не последними живыми представителями лошадиной породы, оставшимися на земле, если бы финансовые трудности не вынудили пожертвовать ими.

The SECOND DELUGE

~ By Garrett P. Serviss ~

Author of "The Moon Metal," "A Columbus of Space," etc.

Эти великолепные животные были серыми в яблоках, с длинными белыми хвостами и развевающимися гривами, гордо держащимися на изогнутых шеях, и когда их вели во главе процессии, они фыркали при виде необычной сцены, их глаза горели от возбуждения, они гарцевали и выгибались, а вокруг раздавались крики восхищения и аплодисменты от постоянно растущих толп зрителей.

Те, кто знал коня только по картинкам и скульптурам, были поражены его живой красотой. Люди не могли не сказать себе:

"Как жаль, что гудящий автомобиль, в его сотнях форм механического уродства, должен был изгнать этих прекрасных и могущественных созданий из мира! О чем могли думать наши предки?"

Несколько слонов, собранных в африканских зоологических садах, и несколько жирафов также привлекли большое внимание, но лошади были фаворитами толпы.

Возможно, Космо нужны были львы, тигры и другие подобные животные, которые сохранились, в большем количестве, чем полезная лошадь, но когда Джозеф Смит предложил включить их в список, он покачал головой, заявив, что было бы лучше, если бы они погибли. Он утверждал, что уничтожит всех плотоядных, насколько это возможно.

В некоторых отношениях, даже более интересными для зрителей, чем животные прошлого, были животные будущего, которые шли в процессии. Немногих из них когда-либо видели за пределами экспериментальных станций, где они проходили процесс искусственной эволюции.

Там был величественный белый калифорнийский скот, без рогов, но гигантского роста, коровы, как говорили, были способны производить в двадцать раз больше молока, чем их предки, и значительно превосходящего качества.

Там были австралийские кролики, размером с ньюфаундлендских собак, хотя и коротконогие, и дающие пищу самого изысканного вкуса; и аргентинские овцы, огромные клубки белоснежной шерсти, проворно передвигающиеся на ногах длиной в три фута.

Наибольшее удивление вызвали "черепаха гранд Астория" – развитый вид черепахи с ромбовидной спинкой, чья изящно вылепленная выпуклая спина, неуклюже покачиваясь при ползании, возвышалась почти на три фута над землей; и "индейка нового века", которая носила свою голову-маяк и вытаращенные глаза так же высоко, как шляпа высокого мужчины.

Замыкали процессию знакомые всем животные, среди которых были клетки с обезьянами (относительно развития интеллекта которых у Космо Версаля были свои теории) и большое разнообразие птиц, а также коробки с яйцами насекомых и куколками.

Восторг мальчиков, которые гнались за процессией, достиг кульминации, когда животные начали подниматься по наклонным дорожкам в ковчег.

Лошади шархались и танцевали, заставляя металлический настил звучать, как раскаты грома; слоны трубили; овцы мычали и теснились единой массой у ограждения; огромный новый скот неуклюже поднимался по склону, вопросительно поворачивая свои большие белые головы; высокие индейки вытягивали свои красные коралловые шеи и громко вереща бродинггескими голосами; а огромные черепахи были привязаны к тросам и подтянуты к борту ковчега, беспомощно размахивая в воздухе своими огромными плавниками.

И когда сенсационное шествие было завершено, довольная толпа отвернулась, смеясь, шутя, болтая, даже не подумав, что это было что-то большее, чем самая забавная выставка животных, которую они когда-либо видели!

Но когда они вернулись на улицы города, они встретили летучую эскадрилью орущих мальчишек-газетчиков и, выхватив у них из рук газеты, прочитали большими черными буквами:

"Ужасное наводнение в Миссисипи!"

"Тысячи людей утонули!"

"Буря идет сюда!"

Это был поразительный комментарий к недавней сцене в "ковчеге", и многие побледнели, читая его.

Но буря пришла не так, как ожидалось. Проливные дожди, по-видимому, ограничивались Средним Западом и Северо-Западом, в то время как в Нью-Йорке небо просто становилось

гуще и выдавливало влагу в виде водянистой пыли. Это состояние продолжалось некоторое время, а затем произошло то, чего все, даже самые скептически настроенные, втайне боялись.

Океан начал подниматься!

Согласно газетному сообщению, первое осознание этого поразительного факта пришло очень странным, окольным путем к человеку, живущему на окраине обширной территории, где великий город раскинулся на том, что раньше было Ньюарк медууз и Ньюарк Бей.

Около трех часов ночи этот человек, который, по-видимому, был полицейским в свободное от дежурства время, был разбужен шумом в доме. Он зажег свет и, увидев темные фигуры, выходящие из подвала, спустился вниз, чтобы разобраться. Зловещий блеск воды, отражающий свет его лампы, сказал ему, что подвал затоплен почти до верха стен.

– Иди сюда, Энни! – крикнул он своей жене. – Видимо, это Космо Версаль вторгается в подвал со своим потопом. Крысы бегут лавиной от нас.

Увидев, что слабые стены фундамента рушатся, он поспешил вывести свою семью на улицу, и не зря, потому что в течение десяти минут дом был в руинах.

Соседи, живущие в столь же хрупких строениях, проснулись, и вскоре рухнули другие соседние дома. Ужас распространился по кварталу, и постепенно всполошилась половина города.

Когда наступил день, жители вдоль набережной на Манхэттене обнаружили, что их подвалы затоплены, а южные и Западные улицы залиты водой, которая постоянно поднималась. Было отмечено, что это время было часом прилива, но никто никогда не слышал о таком высоком приливе, как этот.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.